

ноябрь 2015

Своя

журнал
Никиты Михалкова

**ЧТО МЫ ПРАЗДНУЕМ
4 НОЯБРЯ?**



Светлейший агент

С кого начиналась
российская внешняя
разведка

Главврач всяя Руси

К юбилею
великого хирурга
Николая Пирогова

Будетлянский могатырь

Велимир Хлебников
и его «заумный язык»



Правосудный Бог, наказывая нас за наши грехи и милостиво наводя на нас гнев Свой то голодом, то нашествием иноплеменников, иногда мором и междоусобными бранями, иногда же пожарами и прочими житейскими напастями, наводя на нас разные бедствия, и тяжести, и лютые болезни, побуждает тем, особенно ленивых и ожесточенных, к добродетели и наставляет на путь спасения...

Пока язык мой слушается меня, я буду взывать к сынам Руси православной, буду призывать их на бой за веру и отечество, и буду благословлять тех, кто жизнь свою на брани положит...

Всем вам от меня благословение и разрешение в сем веке и в будущем. Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю.

Патриарх Гермоген (ок. 1530–1612)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

- | | | | |
|-------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 2 | Слово издателя
Традиции против революций | 26–29 | Родное слово
Утомленный жизнью
Александр Блок — рыцарь
печального образа |
| 3–7 | Символ веры
Казанская заступница | 30–32 | Год литературы
Будетлянский могатырь |
| 8–10 | Живая история
1612: сценарии Смутного времени
Какое будущее ожидало бы Россию
в случае победы интервентов? | 33–37 | Русское поле
Джон, который влюблен в Россию
Выходец из Британии борется за нашу
продовольственную безопасность |
| 11–13 | Ретроспектива
Тайна третьего тома
Что изменил Энгельс
в «коммунистической библии» | 38–42 | Наш Крым
Закон — «Тайган» и лев — хозяин
Уникальному сафари-парку
нужна государственная поддержка |
| 14–16 | Красные и белые
Михаил угодник
Секреты популярности
«дедушки Калинина» | 43–47 | Записки охотника
Мавра Акимовна |
| 17–21 | Свой среди чужих
Светлейший агент | 48 | Трапезная
Рябчиков жуй |
| 22–25 | Достояние
Главврач вся Руси | | |

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

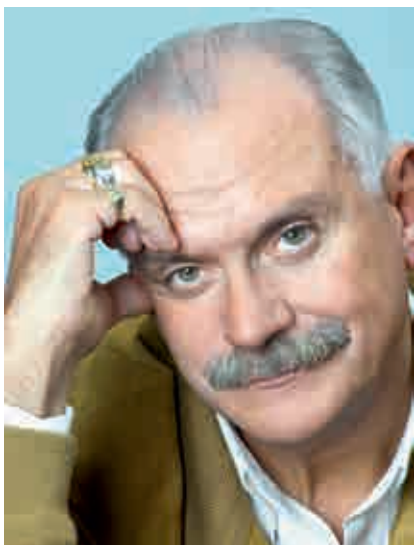
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 19 октября 2015 г.



Традиции против революций

Впервые День народного единства мы отмечаем десять лет назад, 4 ноября 2005 года. Новый государственный праздник, как известно, пришел на смену дню Октябрьской революции. Было решено прервать сложившуюся за много десятилетий, но при этом парадоксальную, внутренне противоречивую традицию. В чем состояли парадокс и противоречивость? Сами того не замечая, мы праздновали день, когда-то положивший начало искоренению еще более значимых для нас традиционных норм и устоев. День, который поделил соотечественников на красных и белых, а также тех, кто с равной свирепостью бил и первых, и вторых (пока они не «побелеют» или не «покраснеют»). После этого зазвучали громкие настойчивые призывы навсегда покончить с «проклятым прошлым» — в частности, снести и расплавить памятники Минину и Пожарскому. Началось осквернение и уничтожение храмов, расстрелы и отправка в лагеря священников и самых стойких прихожан...

Нельзя сказать, что Советская Россия стала в этом смысле первопроходцем. Скажем, Франция до сих пор торжественно отмечает свой главный революционный праздник. Но стоит ли в поисках примера смотреть именно в ту сторону?

Я очень люблю французскую культуру, уникальный французский кинематограф, временами жил и работал во Франции, встретил там множество милых, добрых, образованных людей. Однако и мы знаем, и они имеют некоторое представление о том, что в годы самой тяжелой и страшной за всю историю войны не их, а наши отцы и деды спасли мир от нацистского порабощения. И не будем забывать, что в преддверии той мировой катастрофы советское руководство в первую очередь апеллировало именно к проверенным традициям. Связанным с Александром Суворовым и Михаилом Кутузовым, Александром Невским и Дмитрием Донским, Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским. Снова в русских храмах русские люди стали молиться за победу русского оружия. Опять, как и в годы смертельно опасной для Отечества Смуты, одним из наиболее часто повторяемых словосочетаний стало «народное ополчение». Все это позволило народу обрести спасительное единство, а государству — выстоять и победить.

В этом, как мне думается, главный смысл относительно нового праздника — в обращении к испытанным веками, священным для народа символам и понятиям. Пусть многие наши сограждане по привычке продолжают считать красным днем календаря очередную годовщину революции, и далеко не каждый способен объяснить, что именно мы отмечаем 4 ноября, — всему свое время. Не надо силой менять «установки» в человеческих душах и головах. Может быть, главное достижение последних лет — в том, что сегодня в России нет разделения общества на красных и белых. Все мы — коммунисты и антикоммунисты, вменяемые прогрессисты и консерваторы, идейные монархисты и сторонники парламентаризма — радовались возвращению Крыма, праздновали 70-летие Великой Победы. Мы снова стали ощущать себя единым народом.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author or publisher, written in a cursive style.

Казанская заступница



В 1579 году над Россией нависла страшная опасность. Польский король Стефан Баторий развернул грандиозный поход на Восток. Ватикан и иезуиты плодотворно потрудились, чтобы организовать для этого мощнейшую коалицию. Им удалось окончательно слить Литву и Польшу в единую огромную державу. Та заключила союз со Швецией. Помочь им взялись германский император, Венгрия, Рим, итальянские государства. Подтянули Османскую империю, Крымское ханство, ногайцев. Сплели заговор и внутри России. Враги открыто провозглашали: они не удовлетворятся, пока не уничтожат само Московское государство...



Символ веры

Валерий Шамбаров



ФОТО: РИА НОВОСТИ

ОБРАТИМ внимание на ряд совпадений. Тогда проявили себя деятели и организации, которые обнаружатся в следующей атаке на нашу страну, в катастрофе Смутных времен. В махинациях по объединению Литвы и Польши важную роль сыграл магнат и авантюрист Юрий Мнишек. От католической церкви и ордена иезуитов антироссийскую деятельность координировал Антонио Поссевино: обеспечил союз со шведами, ездил даже в Москву, пытался заставить Ивана Грозного принять унию. А заговор при царском дворе возглавлял Богдан Бельский.

Через несколько десятилетий, при подготовке Смуты, тот же Мнишек стал «первооткрывателем» Лжедмитрия. Самозванца в походе сопровождали иезуиты, маскировавшиеся под православных священников, — заранее готовились, изучили язык, богослужение. Когда они вторглись на Русь, на Западе развернулась широкая информационная поддержка.

В Венеции вышла книга о «чудесном спасении царевича Московского», дословно повторявшая версию, которую озвучивал о себе Лжедмитрий. Ее издавали рекордными для той эпохи тиражами, перевели с итальянского на латынь, немецкий, испанский, французский. Автором книги был Поссевино. А когда самозванец пошел на Москву, мятеж в столице устроил Богдан Бельский...

Отметим и другие совпадения. В июле 1579-го, когда вражеские полчища двинулись на нашу страну, в Казани полыхнул пожар, уничтоживший половину города. Девятилетней Матроне из Стрелецкой слободы явилась во сне Сама Пресвятая Богородица. Велела искать на пожарище Ее икону и указать место. Девочка сперва робела, стеснялась. Но икона Девы Марии являлась ей в грозном пламени, требовала исполнить приказ. Родители поначалу не верили Матроне, однако обратились к воеводам и архиепископу. Те отмахнулись. Поиски на пепелище начали

мать, родные, соседи, найти же реликвию было дано именно Матроне. Образ перенесли в храм Св. Николая Тульского.

Икону, которая впоследствии станет победным знаменем русского воинства, обрел (и служил перед ней первый молебен) священник Ермолай — будущий священномученик патриарх Гермоген. Тот, кто поднимет народ на великую борьбу. А за несколько месяцев до явления Казанской иконы в семье князя Михаила Пожарского родился сын Дмитрий. И тогда же в Ростовском Борисоглебском монастыре принял постриг благочестивый крестьянин Илья — будущий св. Иринарх Затворник. Он благословит Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина на освобождение Москвы. Могут ли столько совпадений быть случайными?

Господь видел, какая угроза нависает над Русью, и то, что рано или поздно страна не выдержит этих ударов, интриг, соблазнится, падет. Но знал, конечно же, и другое: вера сохранится, Русь покается. Заранее расставлялись фигуры, через которые придет спасение.

Что касается самой иконы, то она является списком со знаменитой Влахернской, по преданию написанной св. евангелистом Лукой, перенесенной в V веке из Иерусалима в Константинополь. Ту назвали в свое время Одигитрией — Указующей Путь (Пресвятая Богородица явилась во сне двум слепцам и направила их во Влахернскую церковь, где они получили прозрение). Казанская икона сразу же прославилась аналогичным чудом: в своем городе исцелила двоих слепцов. О сем было доложено Ивану Грозному, и он повелел на месте ее обретения основать монастырь (отроковица Матрона приняла постриг и спустя годы стала настоятельницей обители).

В 1594 году святитель Гермоген, будучи митрополитом Казанским, составил «Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери и



П. Чистяков. «Патриарх Гермоген в темнице». 1860

Икона стала путеводной — в условиях физической, политической, духовной слепоты. Богородица указывала: преодолевайте раздрай, объединяйтесь против врагов Отечества и православия

совершившихся от нее чудесных исцелениях».

Икона действительно стала путеводной — в условиях слепоты не только физической, но и политической, духовной. Это особенно проявилось в Смуту, когда ослепла вся Россия. Сбилась с дороги, устремилась за самозванцами, мятежниками, горлопанами. Народ раскололся. Брат пошел на брата. Города и волости дрались между собой, предавали, перекидывались то на одну, то на другую сторону. А воспользовались ситуацией чужестранцы. С запада двинулись польские армии, прибирали к рукам наши земли и населенные пункты. Северо-западные области захватывали шведы.

И те, и другие морочили головы нашим ошалевшим предкам. Хотите, чтобы Новгород защитили от поляков? Сдайте его Швеции. Желаете того, чтобы прекратились ваши бедствия? Пустите интервентов в Москву! Поляки пришли лишь для того, чтобы замирить вас...

В то же время при дворе Сигизмунда III откровенно давали понять: Россия должна стать «польским Новым Светом», как Америка для испанцев, для чего нужно аборигенов покорять, перекрещивать, обращать в рабов.

Богородица указывала русским: преодолевайте раздрай, объединяйтесь против врагов Отечества и православия. Весной 1611 года Первое земское ополчение (Прокопия Ляпунова, Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого) осадило поляков, засевших в Москве. Стояли безуспешно, выбить оккупантов из столицы не удавалось. Вскоре к ополченцам прибыла делегация из Казани. Настоятель Благовещенского собора привез список главной святыни своего города. После молитв перед Казанской иконой казаки добились серьезного успеха, взяли у противника Новодевичий

СИМВОЛ ВЕРЫ

монастырь. Но в Первом ополчении царили неурядицы. Разочарованный настоятель отправился домой. В Ярославле искал попутное судно, чтобы добраться до Казани. И тут из Нижнего Новгорода подошло Второе ополчение. Князь Дмитрий Пожарский пожелал «иметь икону с собою».

В Ярославле через некоторое время разразилась смертоносная эпидемия. Образ в числе других святых несли в крестном ходе вокруг города. Заболевания сразу пошли на убыль. А в августе 1612-го Второе ополчение подступило к Москве. Казанская икона находилась в ставке Пожарского. Перед ней молились о даровании победы. Русские прозревали. Удалось преодолеть разногласия с Первым ополчением и совместными усилиями разбить войско литовского гетмана Ходкевича.

Польский гарнизон держался упрямо. Сильнейшие московские укрепления и масса артиллерии делали крепость неприступной. Но защитники постепенно слабели. Архиепископу Элассонскому Арсению, находившемуся у поляков, было видение: св. Сергий Радонежский сказал ему: «Арсений, наши молитвы услышаны; предстательством Богородицы суд Божий об Отечестве преложен на милость: завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия спасена».

Все исполнилось. 4 ноября (22 октября), подняв Казанскую икону как знамя, русские ратники овладели



стенами Китай-города. Полякам, стиснутым в Кремле, осталось только капитулировать. После победы князь Пожарский поместил образ в «семейной», Введенской церкви на Лубянке. Принялся на собственный счет строить для него Казанский храм на Красной площади. Прежде праздник в честь иконы совершался только в Казани, в день обретения, 21 (8) июля. Царь Михаил Федорович (видимо, по инициативе Пожарского) установил празднование и в столице. И не один, а два дня в году — добавилось 4 ноября.

В 1648 году Россия снова едва не рухнула в смуту. В Москве произошел страшный «соляной бунт», отголоски которого прокатились по разным городам. Молодой царь Алексей Михайлович сумел, однако, преодолеть противостояние, не допустить обвала в катастрофу.

Во время всеобщей на Казанскую у государя родился сын. В благодарность за выход из кризиса и появление наследника Алексей Михайлович повелел отмечать праздник по всей России. В память об этом событии был построен великолепный Казанский собор в Коломенском. Желаящие могут побывать в нем и сейчас.

Икона прославилась как воинская, в качестве заступницы за Россию в годы бедствий. В 1702-м наши войска отбили у шведов старинную крепость Орешек (Нотебург), Петр I переименовал ее в Шлиссельбург.

Русскую церковь, превращенную захватчиками в кирху, восстановили для православных богослужений. Солдат-часовой ночью вдруг увидел свет, исходивший из стены. Вскрыли и нашли тайник. В 1611-м, перед тем как сдать Орешек, осажденный шведами, защитники замуровали в стене список Казанской иконы. Когда город снова стал русским, она сразу же дала о себе знать.

В 1709-м, находясь на Украине, Петр велел привезти еще один чудотворный список, явленный в селе Каплуновке. Доставил ее к царю сельский священник Иоанн, а в это же время Каплуновку заняли шведы. Пробовали поджечь церковь, но та чудесным образом не воспламенилась. Перед Полтавской битвой царь распорядился носить Каплуновскую Казанскую икону по полкам. И сам со слезами на глазах молился перед ней, просил Царицу Небесную о победе.

В 1721 году Петр приказал перенести один из чудотворных списков в новую столицу, Санкт-Петербург. Императрица Анна Иоанновна построила на Невском проспекте храм Рождества Пресвятой Богородицы. В 1737-м святыню перенесли туда. А Павел I вместо обветшавшей церкви заложил величественный Казанский собор. Его строи-

тельство завершили в 1811-м, как раз перед нашествием Наполеона, и здесь, перед Казанской иконой, молился Михаил Кутузов, отправляясь к армии.

Как раз на Казанскую войска Михаила Милорадовича и Матвея Платова нанесли серьезнейшее поражение корпусу наполеоновского полководца Даву. На украшение Казанского собора казаки пожертвовали 40 пудов серебра, отбитого у французов. Стены храма были

Когда гитлеровцы наступали на Ленинград, митрополит Алексей (Симанский) провел вокруг города крестный ход с Казанской иконой Божией Матери. В эти же дни атаки прекратились

украшены трофеями, неприятельскими знаменами. И здесь же упокоились останки Кутузова.

В Великую Отечественную, уже 26 июня 1941-го, местоблюститель патриаршего престола Сергей (Страгородский) служил молебен о даровании победы перед Казанской иконой в Елоховском соборе Моск-

вы. И такие молебны продолжались в течение всей войны. Когда гитлеровцы наступали на Ленинград, митрополит Алексей (Симанский) провел вокруг города крестный ход с Казанской иконой Божией Матери. Германское командование в эти же дни вдруг переменило планы, атаки прекратились. Во время битвы за Сталинград на левом берегу Волги непрерывно служились молебны перед Казанским образом...

Как видим, отнюдь не случайно эта икона стала в России одной из самых популярных. Храмы в ее честь строились и освящались в разные времена по всей стране. Делались многочисленные списки, и десятки из них признаны чудотворными: Казанская-Гобольская, Каплуновская, Нижнеломовская, Карповская, Вознесенская, Каташинская, Павловская, Каргопольская, Иркутская, Ярославская, Златовратская, Вышенская, Высочиновская, Песчанская, Ситхинская.

Один из списков находится даже в космосе. В 2011 году святейший патриарх Кирилл вручил его руководителю Роскосмоса генерал-полковнику Анатолию Перминову, космонавтам Александру Самокутяеву и Андрею Борисенко. На борту космического корабля «Юрий Гагарин» икона доставлена на МКС.

Ну а та самая, с которой Пожарский брал Москву, сейчас содержится в Елоховском Богоявленском соборе. (Как раз ее просили об избавлении от беды в 1941–1945 годах.) При желании любой может приехать туда, чтобы приложиться к святыне.

Когда стоишь перед ней, испытываешь совершенно необычные ощущения: будто Она Сама смотрит на тебя, все знает и понимает. И, кстати, указывает путь не одним воинам, заступает не только за терпящих бедствие. В России сложилась замечательная традиция: именно этой иконой благословляют создание новой семьи.



С. ИВАНОВ. «В СМУТНОЕ ВРЕМЯ». 1908



1612: сценарии Смутного времени

Можно ли сегодня положить руку на сердце сказать, что большинство россиян вполне осознают значимость события, в честь которого отмечается День народного единства? Понимаем ли мы, чем грозила России возможная неудача освободительной кампании 1612 года? О том, как могла сложиться судьба нашей страны в случае окончательного захвата интервентами власти в Москве, «Свой» попросил рассказать двух известных российских историков.

КОММЕНТАРИИ



Андрей Фурсов,
 российский историк, социолог,
 публицист, директор
 Центра русских исследований
 Института фундаментальных
 и прикладных исследований
 Московского гуманитарного
 университета

Обычно говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. На самом деле у нее это наклонение всегда есть. И только плохие историки его не признают, «не терпят», вольно или невольно определяя тем самым исторический процесс как сверхдетерминированный: тут нет места ни воле субъектов-творцов, ни самым разным случайностям...

Настоящая история — это всегда несколько альтернатив. И как только одна из них реализуется, другие «сворачиваются». На мой взгляд, историк должен писать свои работы так, будто он не знает результата давно минувших событий. Это очень трудно, поскольку результат слишком хорошо известен. Тем не

менее необходимо психологическое отстранение от материала. И в этом плане действительно очень интересно порассуждать: а что было бы, если бы Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский вместе с их ополченцами потерпели поражение, и в Москве оказался бы на троне польский король — либо Владислав, либо Сигизмунд?

Договоренности московских бояр с Владиславом предполагали, что он перейдет в православие, женится на православной царевне или на представительнице русского боярского рода. Но одно дело — написать на бумаге, другое — выполнить написанное. В то же время отец Владислава Сигизмунд не хотел, чтобы его сын становился русским царем, и сам претендовал на престол.

Как бы там ни было, Россия — слишком большая страна, чтобы ее захмутать Польше, исходно слабой, с постоянно выступавшей против своего короля шляхтой. Скорее всего, полякам удалось бы на первых порах удержать Москву и окрестности. А вот в северо-восточной части Руси, откуда пришли Минин и Пожарский, наверняка возникло бы альтернативное государство со столицей в Нижнем Новгороде. Или в Костроме, или в Ярославле... И тогда, по-видимому, началось бы противостояние двух русских государств. А дальше, что называется, как легла бы карта...

С одной стороны, Запад всегда был бы готов помочь полякам как католикам в борьбе против наших предков. Однако нужно помнить, что в 1618 году началась Тридцатилетняя война, которая отнимала все силы у Центральной и отчасти Западной Европы. Поэтому едва ли «западное сообщество» пришло бы в случае острой необходимости на выручку своим союзникам-

единоверцам. То есть в результате локального противостояния двух русских государств поляков, скорее всего, рано или поздно изгнали бы. Но Россия потеряла бы на этом три, четыре, а то и все пять десятилетий. И в итоге к окончанию XVII века оказалась бы в значительно худшем положении, нежели то, которое сложилось фактически. Ведь что такое конец XVII столетия для России? Это одно из «счастливых тридцатилетий». Таковых в русской истории было всего четыре. Первые тридцать лет XVI века, период, упомянутый выше, эпоха правления Николая I (до Крымской войны) и, наконец, 1955–1985 годы.

Ясно, что в эти «счастливые тридцатилетия» далеко не все люди были счастливы. Здесь имеется в виду состояние относительного благополучия в государстве: нет войны и мора, массового голода. Россия «накапливала жирок», который потом можно было расходовать в трудные времена масштабных социально-экономических преобразований. К примеру, если бы не было «счастливого тридцатилетия» 1670–1690 годов, Петру Первому неоткуда было бы взять «вещество и энергию» на рывок, который он совершил. (Итоги оказались во многом спорными, однако могли быть гораздо хуже.)

Военно-политический успех поляков в 1612 году вряд ли привел бы к установлению их полного контроля над Россией — что такое Польша в сравнении с нашей огромной страной? Но то, что подобный исход противостояния сильно затормозил бы развитие нашего государства, совершенно очевидно. Поэтому победа Минина и Пожарского — самый оптимальный вариант для хода русской истории. И, пожалуй, наиболее закономерный.



Игорь Фроянов,
советский и российский
историк, доктор исторических
наук, профессор

Активнейшее участие в Смуте внешних сил демонстрирует, что эти процессы развивались отнюдь не стихийно, не случайно, а по ранее разработанному плану. Над ним некогда трудился Генрих Штаден, живший в России в годы правления Ивана Грозного и даже ходивший у него какое-то время в опричниках. В нашу страну он приехал с тем, чтобы здесь что-то подсмотреть, разведать. То бишь выступил в роли иностранного агента. По возвращении в Европу разработал план завоевания России с последующим ее расчленением. В соответствии с ним и развивались у нас события в Смутные времена. Огромный кусок страны отхватила Польша, аналогичным образом действовала Швеция. Интервентам лишь оставалось взять высшую власть в Москве. В случае их успеха последовало бы то, о чем писал Штаден: наша страна была бы завоевана и расчленена на мелкие административно-территориальные образования. И этот план,

подготовленный еще в конце XVI века, затем постоянно, на протяжении многих столетий пытались осуществить наши противники.

Все мы знаем, сколь значимую роль сыграли в преодолении Смуты православные иерархи. Однако надо понимать, что состав русско-го духовенства был тогда далеко не однороден, разные там были люди. И лично я не исключал бы вероятности того, что при определенных обстоятельствах кто-то из архиереев пошел бы на союз с пришлыми захватчиками. Однако это произошло бы вопреки воле земли. Земля встала. За себя. Поэтому попытки некоторых представителей духовенства вступить в соглашения с врагом, случись они в те годы, были бы тщетны и пагубны для них самих. В России произошел нацио-

нальный подъем, против которого идти чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно.

Что же касается интервентов, прежде всего поляков, то они, как всем известно, католики, люди, чуждые православию. На Руси и в XVI веке, и позже католичество воспринималось как схизма, то есть ересь. Русская церковь на союз с католичеством не пошла бы. Одержав победу, захватив они полную власть в Москве, несомненно, приступили бы к искоренению православной веры. О чем, кстати, опять же писал Генрих Штаден: мол, необходимо разрушить монастыри, православные храмы, окатоличить население.

И такая перспектива при всей кажущейся в наши дни нереалистичности была при некоторых условиях вполне достижима.

К. Маковский. «Воззвание Минина». 1896



Тайна третьего тома



Ноябрьские праздники по традиции располагают к историческим самокопаниям, посвященным коммунистическому интернационалу, социалистической революции 1917-го, становлению Советской власти. Одна из интереснейших тем — происхождение и содержание знаменитого «Капитала». Если настольную книгу (чтобы не сказать «библию») партийного работника прежней эпохи проанализировать во всем ее четырехтомном великолепии, а не как это обычно делалось в СССР, то произведение видится рыхлым, путанным, антиномичным. И начинаешь догадываться: а ведь некоторые ключевые мысли там принадлежат, похоже, всё же перу Карла Маркса.



Луизианский пират Жан Лаффит

в буквальном смысле становясь к печи или станку, занимая деньги на развитие под обременительные проценты. Если требуется, закладывая для этого отчий дом или все предприятие разом. Последнее обстоятельство особенно характерно для 1880–1890-х, когда промышленники куда больше зависели от банковских кредитов, нежели их отцы, умозрительно помещенные Марксом, едва заставшим начало технологической революции, в одну теплую компанию с ростовщиками.

В «марксовых» сочинениях, вышедших в свет после его смерти, немало логических противоречий, ставящих под сомнение справедливость всей теории, но те хотя бы прячутся за гигантскими заумно-лексическими конструкциями, разбирать которые решатся немногие. Приведенная же цитата прямо опровергает, ни много ни мало, всю веру-идеологию, основанную на марксистских скрижалях. Поневоле призадумываешься — какова природа явленного нам в третьем томе прозрения?

И зачем Энгельс это опубликовал? Некоторые ученые высказывают на сей счет такую версию: Маркс, мол, нечаянно проговорился. Он, конечно, понимал, что капиталисты бывают разные:

кто-то вкладывает всю свою энергию в непосредственное развитие промышленности, сельского хозяйства, научно-технического прогресса, а кто-то изрядно поднаторел в ростовщическом ремесле, в банковских махинациях и прочих подобных гешефтах. При этом основоположник учения, названного в его честь, не считал нужным подобные вещи массам разъяснять. Почему? Вывод напрашивается простой: Карл Маркс был финансово зависим именно от банкиров, ростовщиков. В наши дни литература, с разной степенью достоверности доказывающая эту немудреную гипотезу, уже не выглядит ни фантастической, ни бредовой. Взять хотя бы один из бестселлеров американского экономиста Энтони Саттона, который открыто назвал спонсоров автора «Капитала», а также коммунистического «Манифеста» и сообщил, в частности, следующее: «Каналом финансирования (Маркса) был не кто иной, как луизианский пират Жан Лаффит. Среди его подвигов можно выделить шпионаж в пользу Испании и агентурную работу на группу американских банкиров. Сведения о данной махинации не принимаются во внимание современными историками, хотя документы, подлинность которых засвидетельствована Библиотекой конгресса и другими источниками, доступны уже около тридцати лет».

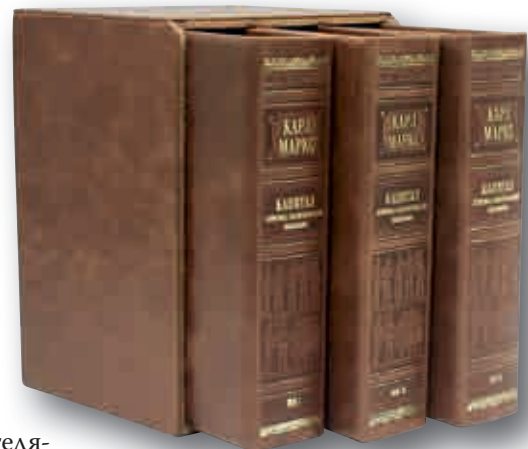
Иными словами, оплачивали и, судя по всему, заказывали музыку американские банкиры. Саттон в числе жертвователей упоминает также представителей германской аристократии, но вряд ли есть смысл разбирать здесь их сложные геополитические мотивы.

...Жизнь Фридриха Энгельса после того, как тандем естественным образом прекратил существование, была крайне непростой. И прежде всего — в плане сотрудничества с представителя-

ми революционных организаций. Возможно, со многими из них он просто «не сошелся характерами», а может быть, на эти отношения повлияли его сильно изменившиеся после смерти Маркса взгляды на мир. Чрезвычайно «мутный», с точки зрения ортодоксального марксизма, третий том «Капитала» указывает скорее на трансформацию мировоззрения редактора и, скорее всего, непосредственного автора этого труда.

«Я говорю: работаю, значит, существую. Для меня очевидно: только работа расширяет, обогащает мир и мое сознание», — спорил с Декартом наш соотечественник Савва Морозов. Блестящий пример того самого промышленного капиталиста по Энгельсу.

Возможно, именно здесь и кроется ключ к пониманию марксизма (или все-таки «марксизма») в изложении его соратника. Не исключено, что лучше нас третий том изучали в Китае. Несмотря на бурные «прозападные» реформы, в Поднебесной финансовая сфера на девять десятых остается в руках государства. В то время как доля частного сектора в остальных отраслях экономики неуклонно растет. Таким образом, деньги на развитие предприниматель получает непосредственно из государственного кармана под символический ссудный процент. Не по этому ли пути следовало (и, наверное, до сих пор следует) идти России?



Михаил угодник

Имя всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина — он родился 140 лет назад — почти до самого развала Советской империи в особых представлениях не нуждалось. И это при том, что он не смог или не захотел во времена оны предстать крупной фигурой первого ряда. Не был и врагом сильных мира сего. Самоустранился от борьбы партийных группировок. Пережил арест жены в 1938-м. И прослыл как «дедушка», безбидный резонер с узнаваемой бородкой.



Красные и белые



ФОТО: EAST NEWS

С крестьянами села Михайловка. 1923

Михаил Бударагин

А О ТОГО успел побывать корреспондентом «Искры», участником событий 1905–1907 годов, гласным Петроградской городской Думы, кандидатом в Учредительное собрание. Став «президентом» совсем уже другой страны, несколько раз по радио поздравлял ее граждан с Новым годом.

За время своего формального правления принял около 8 миллионов человек. Это были рабочие и крестьяне, служащие, интеллигенция, старые большевики и новая советская поросль, простые русские бабы из далекой глуши и непростые ленинградские театралы, ветераны Гражданской войны и бессменные тыловики — каждый возвращался и рассказывал о Калининe что-то свое.

Из этих-то рассказов и сложился его, как сказали бы сегодня, медийный образ, который до сих пор весьма важен и символичен.

Надо понимать, что и на фоне Ленина со Сталиным, и в сравнении с их главными антагонистами Калинин не делал ничего особенного: вся его официальная биография — по сути, скучное перечисление должностей. Основная работа по построению сначала коммунистического будущего, а затем социалистического настоящего велась усилиями всемогущих вождей, полновластных тиранов и других повелителей времени и пространства. Зато Калинин, хлопотавший то тут, то

там, попал в популярнейшие анекдоты и песни. И даже специального переложения всем известных плещеевских строчек удостоился:

«Дедушка Калинин, вот те взад свисток! Лучше нашим папкам скинь маленько срок. И верни живыми мамок дорогих: мы ж без них повымрем! Они ж не враги!..» — «Главное, ребятки, что б жила страна, а там — папки-мамки... (и моя жена)».

Это ли не высшая степень народного признания. Сотни революционеров канули в Лету тихо, без следа. А «дедушка» навсегда остался с нами, о нем охотно пишут всякое-разное и по сей день.

Судьба всесоюзного старосты и выросшая из этого легенда послужили лучшим подтверждением очень простого внешне и слегка противоречивого внутренне факта: Советский Союз оказался, по существу, государством победившего неоязычества.

Среди великих божеств (Ленин и Сталин), могучих сакральных сил (Маркс и Энгельс), низвергнутых демонов (Троцкий) и полубогов-героев (Алексей Стаханов и Ко) до поры до времени не доставало разве только «персонажа без амбиций» — милосердного заступника, утешителя, доброго путешественника, простодушного хозяина пастбищ.

В этом-то и нашел свое призвание Михаил Иванович, ходивший в мятом пиджаке, чуравшийся репрессий и тому подобных жестокостей, любивший сыграть на публике простачка. И при всем при этом знавший самые первостепенные людские чаяния — о хлебе на-

сущном, о пользе дисциплины в коллективе, а также о том, чтобы начальство сидело себе в Москве, простой народ не трогало, понапрасну не обижало.

Калинин обозначил собой законченность, внутреннюю логику советского пантеона. Если бы эта вакансия осталась незанятой, то можно было бы констатировать: налицо большущий пробел, картина явно не складывается. Но она сложилась.

Спрятанное под маской «диалектического материализма» атеистическое многобожие (извините за такой оксюморон) требовало идеального лешего или, на худой конец, образцового домового. И он не заставил себя долго ждать. Не под Лениным себя чистил весь партхозактив, и даже не под Сталиным, а именно под ним — всесоюзным-всероссийским старостой. Пример для сотен тысяч председателей колхозов и совхозов вкупе с районными начальниками — вот что такое Калинин. До Ленина высоко, до Сталина далеко, то коммунизм строим, то социализм в отдельно взятой стране, то общественно-экономическую формацию с прицелом на колонизацию Марса... А в любой деревне Тверской области вот уже почитай как двести лет одни и те же проблемы — надои плохие, покос никудышный.

И в самой Твери (город в 1931-м назвали в честь Михаила Ивановича, но в 1990-м переименовали обратно) все, как всегда: мужики на заработки в Москву уехали, молодежь от рук отбилась, цены растут, чиновники зарвались. И при Александре III было так, и хоть сто раз поменяй политический строй, лучше в этом плане почему-то не становится. Молодые дерзят, старики ворчат, бабы ругаются — пусть Калинин разберется.

При царизме считалось, что на все воля Божья. Однако большевики взялись решительно покончить с этими пережитками, а вместе с тем полностью обновить и государство, и общество.

Получилось плохо, что неудивительно. Целили в Творца — попали в Его творение, человека. Тому стало больно и страшно. Посему он быстро придумал себе новых богов и угодников. А самым добрым из них провозгласил Михаила Ивановича Калинина. Этот не расстреляет. Никуда не сошлет и даже не пошлет. А что маленько покричит — так на здоровье, разве ж кому жалко?

Леший вон — суровый лесной дух, а все одно не даст в чащобе заблудиться. Если ты человек хороший, то и выведет он тебя из дебрей темных, непролазных на свет, к правде. Домовой тоже строг, однако помо-

жет рачительному хозяину схоронить от всевидящего ока стражников и запас провианта на черный день, и попавшего в опасную передрягу путника. А то и странницу — какого-нибудь совсем уж не пролетарского происхождения.

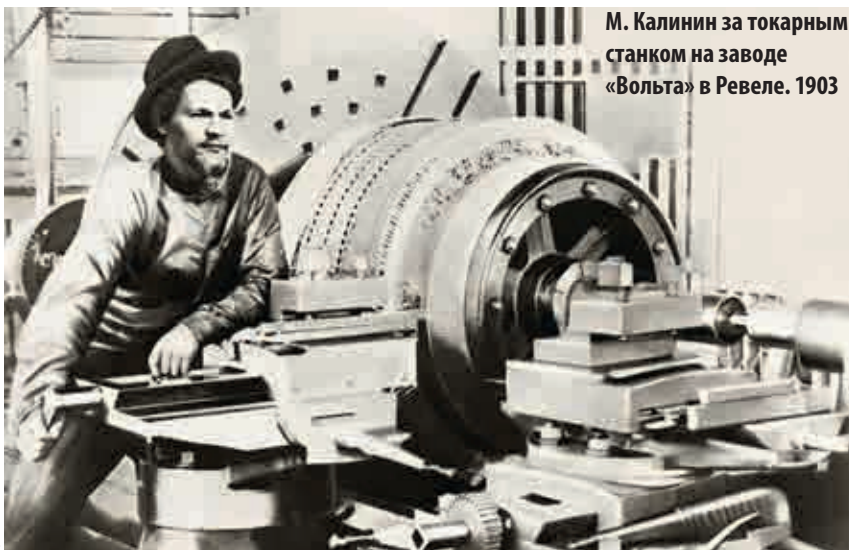
Так и жили.

Калинин умер в 1946-м. Он, как принято говорить в подобных случаях, принял страну разобранной, злой и жестокой, с огромными необжитыми пространствами, по которым бродили без смысла и цели многие люди (почти каждый герой Андрея Платонова, к примеру, именно такой), а оставил — теплой, снова своей, с лампами на летней даче и грибами по осени. (Тут, конечно, допущена некоторая фактологическая «вольность»: спустя год после войны ни о каком уюте не могло быть и речи. Но в то же время вера в лучшее, близкое будущее согревала буквально всех.)

Покуда начальство воздвигало разнообразные утопии, люди обживали реальность, все дальше уходя от диамата в старые, безотказно действующие приметы, в быт с давно заведенными порядками, грядками и прочим. На смену «Кубанским казакам», читай советским людям во всем их мифическом великолепии, пришли «Любовь и голуби». Когда СССР рухнул, стало ясно: люди давно жили без него, в своем «дохристианском» мире, где водится бесчисленное множество архаично-чудаковатых старост, но совершенно нет тех, кто мог бы поднять упавший красный стяг — зная борьбы за невыносимо светлое будущее.

Так и сейчас: своим умом жив человек. Сотни тысяч маленьких калининых в расейских городах и всях парятся в банях, ругают Москву, надевают на службу пиджаки и всегда помнят главное: портреты над рабочим столом по мере необходимости следует менять, переешивать. А уж остальное как-нибудь приложится.

И оно прикладывается.



М. Калинин за токарным станком на заводе «Вольта» в Ревеле. 1903

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Светлейший агент

В нашем журнале мы много рассказывали о выдающихся советских разведчиках. А что было раньше, не на пустом же месте возникла такая мощная школа? Отмечающееся в этом году 200-летие окончательной победы над Наполеоном — хороший повод напомнить о русском «штирлице», входившем в ближний круг Бонапарта. Кто знает, как сложилась бы в то время судьба европейского театра военных действий, если бы не секретные донесения нашего агента. Красавец-сердцеед, смельчак-авантюрист, знаток Запада и патриот России — это все о нем, светлейшем князе Чернышёве Александре Ивановиче.

А. Кившенко. «Вступление русских войск в Париж в 1814 году»



Свой среди чужих



Дж. Доу. «Портрет графа А.И. Чернышёва»

Владимир Перекрест

ЭТОТ человек известен современному россиянину незаслуженно меньше, чем другие герои тех времен. И вряд ли дело лишь в том, что миссии Чернышёва носили преимущественно секретный характер...

Его блестящая карьера, полная опасностей и приключений, началась, как водится, «среди шумного бала». Объявили экосез, и волею случая 15-летний юноша из родовитой семьи оказался рядом с только что коронованным Александром I. Они перекинулись несколькими словами, затем проговорили около часа. Возможно, личное обаяние или сама судьба Александра Чернышёва, рано потерявшего отца — уважаемого в свете человека, генерала и сенатора, — тронули сердце 23-летнего

монарха. У того ведь тоже была своя история с царственным родителем, только значительно более драматичная. По официальной версии, император Павел умер вследствие удара, но в свете ходили упорные слухи, что монарх был убит. Более того, многие утверждали, что цесаревич находился среди заговорщиков, и даже подозревали его в отцеубийстве. Впрочем, наша история не об этом...

Молодой царь не забыл случайного знакомого. Вскоре Чернышёву предложили небольшую должность при дворе. Однако потомок древнего, пусть и не слишком знатного дворянского рода жаждал подвигов и попросился в армию. Уже через три года он — адъютант самого генерала Уварова, первого шефа кавалергардского полка, любимца императора. А год спустя, 19-летним, попадает в

первое серьезное сражение — знаменитую битву при Аустерлице. Опытный вояка Федор Уваров, видимо, желая уберечь юношу в той мясорубке, отправляет его с донесением к императору, а тот оставляет при себе — для особых поручений.

Оказалось, что лучше кандидатуры не сыскать. Смелый, расторопный, сообразительный — Чернышёв в суматохе аустерлицкого отступления по заданию царя сумеет разыскать Кутузова и наладить между ними оперативный обмен донесениями, что способствует организованному отходу русских войск, а не полному разгрому, к чему шло. Монарх оценил сноровку офицера, впоследствии не раз поручал ему доставлять важные послания. Его не обходили наградами, но вряд ли это приносило радость Чернышёву — русская армия и союзники на европейском театре терпели от Наполеона поражение за поражением.

И вот, наконец, Тильзитский мир, подписанный 25 июня 1807 года. Надо налаживать отношения с недавним врагом. В конце января 1808-го Александр I отправляет к Наполеону Чернышёва. Русский посол граф Петр Толстой представил гостя французскому императору. Что тогда чувствовал 22-летний ротмистр, за плечами которого три года боев? Наверняка уважение к военному гению противника. Но и столь же верно — желание переиграть его.

Заговорили о войне — не о погоде же. И тут молодой офицер вопреки всем правилам этикета затеял спор с Бонапартом о силе русского оружия. Присутствующие были в шоке. Однако триумфатору понравился патристический задор оппонента, и в следующий приезд тот был принят уже лично, как старый знакомый, без посредничества посла.

Чернышёв в те годы жил фактически на две страны — постоянно

в разъездах с посланиями от одного монарха другому. Кстати, о чем велась столь интенсивная переписка? Бонапарт в то время был покорителем Европы, Александр старался не уступать. Француз предлагал поделить континент. Себе брал центр и запад, русским отдавал Балканы и прилегающие страны, а также обещал содействие в противостоянии с Турцией. В этой переписке без преувеличения решались судьбы мира, уровень конфиденциальности был настолько высоким, что обе стороны не доверяли доставку посланий даже собственной дипломатической почте. Искренен ли Наполеон, не ведет ли двойную игру, какими силами подкрепляются его амбиции, насколько верны ему союзники — это тоже должен был выяснить Чернышёв.

Писем было множество, и каждое доставлялось своевременно, порой окольными путями. Ввиду

секретности поручений почти всю информацию он передавал царю устно, с глаза на глаз (что годы спустя изрядно затруднило работу историков). В свете, похоже, не очень-то понимали важность работы молодого офицера, и с чьей-то легкой руки к нему приклеилось язвительное «вечный почтальон». И что? Иной гусар наверняка б дуэлью кончил спор. Не таков Чернышёв, который, к слову, не раз доказывал свою смелость на поле боя. Репутация царского любимчика, который непонятно чем занимается, — замечательное прикрытие для мастера тайных дел. Жуир, повеса, любитель балов и дамский угодник — кто ж доверит ему государственные секреты, не смешите.

Такое же мнение он составил о себе и в Париже — сплошь кутежи и романы. Сановники и генералы не считали нужным при таком вертопрахе держать рот на замке, а ему только того и надо. За время



Ф. Жерар.
«Портрет Александра I». Ок. 1817

Б. Виллевальде. «Подвиг конного полка в сражении при Аустерлице в 1805 году»



СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

французской командировки он переправил российскому императору сотни страниц особо секретных донесений. «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», — написал Александр I на полях одной из депеш.

Во французской столице Чернышёв был, пожалуй, даже более популярен, чем в обеих российских. Ну а подлинным любимцем Парижа он стал после пожара в австрийском посольстве, где 1 июля 1810 года отмечалось бракосочетание Наполеона с Марией-Луизой Австрийской. Французские брандмайоры сработали из рук вон плохо, возникла паника, двадцать человек погибли в огне и давке. Чуть ли не единственным, кто сумел сохранить хладнокровие, был Чернышёв. Из охваченного пламенем здания он вынес

на руках сестер Наполеона — Каролину Мюрат (жену его любимого маршала) и Полину Боргезе, с которой у русского ловеласа, как сплетничали в Париже, была любовная связь. А также жен маршала Нея и обергофмаршала Дюрока. Спасителя прозвали «царем Парижа», в свете он был нарасхват, им «угощали».

К тому времени переговоры Наполеона и Александра I зашли в тупик. В немалой степени камнем преткновения стала союзная Франции Польша. Яростно сражаясь под наполеоновскими знаменами, поляки жаждали одного: с помощью французского оружия восстановить свое государство в пределах Речи Посполитой — то есть на землях тогдашних Малой и Белой Руси, ряда российских губерний. На это император Александр согласиться не мог. Наполе-

он же не мог отказаться от такого важного и мотивированного союзника, как польская шляхта.

К 1810 году становится понятно, что война с Францией неизбежна. Военным министром Александр I назначает Михаила Барклая-де-Толли. Одним из его новшеств стало создание Особной канцелярии, которая занималась разведкой и контрразведкой. В крупнейшие европейские столицы была разослана «великолепная семерка» спецагентов — Чернышёв стал одним из них.

По сути, для него мало что изменилось, он и так был «глаза и уши» императора. Во Франции действовал не в одиночку — была у него своя агентура. И какая — сам министр иностранных дел Франции Талебран, оперативный псевдоним «Анна Ивановна». Тот прожил долгую жизнь, был с по-



Ж.-Б. Дебре. «Первое вручение орденов Почетного легиона в Доме инвалидов 14 июля 1804 года». 1812

честиями похоронен. А вот другому агенту повезло меньше. Его звали Мишель. Он работал в военном министерстве Франции и снабжал подробной информацией о численности и дислокации французских вооруженных сил.

В 1811 году планы развязать войну с Россией уже почти не скрывались. Отношение Наполеона к Чернышёву заметно изменилось. На приемах он демонстративно игнорировал русского посланника. Находиться в Париже с каждым днем становилось опаснее. К тому же французская агентура в Москве сочла подозрительной слишком высокую осведомленность русских о положении в наполеоновской армии. Заподозрили Чернышёва. За ним была организована слежка. Подозрения усилились после проведенного в его парижской квартире негласного беглого обыска. «Накопали» немного, но вполне достаточно, чтобы газеты обвинили его в шпионаже. Он собирается покинуть Францию, тут и повод представился: Наполеон отправил его к Александру с посланием о фактическом объявлении войны. 13 февраля 1812-го состоялась их последняя встреча. Перед отъездом, предполагая более тщательный обыск, разведчик сжег все бумаги. Но, как оказалось, допустил промах, стоивший его ценному агенту жизни.

Нагрывшая после отъезда полиция перерыла весь дом и под ковром обнаружила записку с донесением. Сличая почерки, сыщики определили автора. Мишеля казнили на гильотине...

Чернышёв же принял активное участие в войне 1812 года. Особенно отличился на ее заключительном этапе, командуя крупными партизанскими отрядами (тоже нововведение Барклая) в Европе. И вот 1814 год. Война окончена. Бонапарт низложен. Русские войска вошли в Париж. Повсюду открываются знаменитые «бист-

Герб князя Чернышёва



Из охваченного пламенем здания он вынес на руках Каролину Мюрат и Полину Боргезе, с которой у русского ловеласа, как сплетничали в Париже, была любовная связь



Памятник в Лыткарино

ро» — господа казаки ждать не привыкли. Международная антифранцузская коалиция, в которой главную роль играла Россия, приговаривает Наполеона к ссылке. В число конвоиров Александр I предложил включить и Чернышёва, тогда уже генерала. Но передумал. Сохранилась запись: «Бонапарту в несчастье тяжело будет видеть того, кто был при нем во время величия», — благородно рассудил русский монарх.

Дальнейшая карьера Чернышёва складывалась более чем успешно. Кавалер всех имевшихся в России наград и многих зарубежных. На протяжении более чем 20 лет военный министр, затем глава Государственного совета, второй человек после царя, пользовался доверием и уважением трех императоров. Почему же его имя на долгие годы было вычеркнуто из учебников истории? Дело в том, что именно он возглавлял следственную комиссию по делу декабристов; предлагаемый им приговор был значительно более суровым, чем окончательный, смягченный государем. Чернышёв же лично руководил и казнь пятерки организаторов восстания. Большая советская энциклопедия характеризует его как реакционера, возлагая на него всю ответственность за проигранную Крымскую кампанию. Сыграла роль и ремарка Льва Толстого в «Хаджи-Мурате»: по мнению писателя, император Николай I считал генерала незаменимым человеком, но «большим подлецом» — опять же, за дело декабристов: тот отправил в ссылку даже своего родственника — Захара Чернышёва.

Сейчас отношение к этой бесспорно яркой и героической фигуре, убежденному монархисту и государственнику изменилось. В подмосковном Лыткарино возле его бывшей усадьбы три года назад был открыт памятник знаменитому разведчику.

Достояние

Л. КОШТЕЛЯНЧУК. «ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В КЛИНИКЕ ПИРОГОВА»



И. ТИХИЙ. «НИИ. ПИРОГОВ ОСМАТРИВАЕТ БОЛЬНОГО Д-И. МЕНДЕЛЕЕВА»



Главврач всея Руси

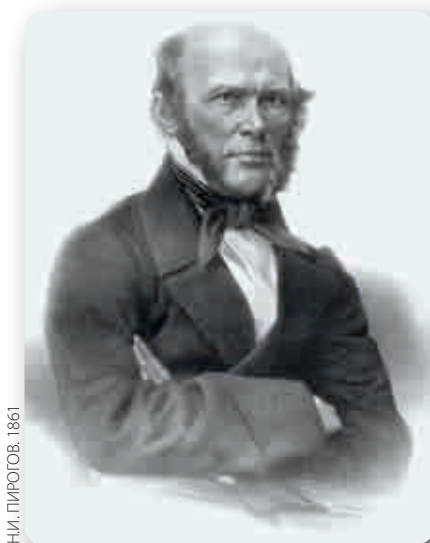
Андрей Самохин

Николай Пирогов, подаривший миру гипсование при переломах и наркоз в боевых условиях, военно-полевую хирургию и женскую службу ухода за ранеными, топографическую анатомию и остеопластику, не вписывается в рамки чистой науки и узкопрактической хирургии. Он неизменно соединял их с государственным взглядом, бескомпромиссной гражданской позицией, сердечным горением. И этим близок двум другим русским титанам — Михаилу Ломоносову и Дмитрию Менделееву. Недаром знаменитый юрист Анатолий Кони, выступая в городской думе Петербурга на заседании, посвященном 100-летию Н.И. Пирогова, был, по его собственному признанию, «стеснен» масштабом этой личности.

ЛЕГЕНДЫ о нем рождались еще при жизни. Во время Крымской войны на перевязочный пункт в Севастополе, где он оперировал, принесли — отдельно — тело солдата и оторванную ядром голову. «Куда безголового несете, ироды!» — завопил фельдшер и получил обескураживающий ответ: «Ничего, господин Пирогов как-нибудь пришьет, авось еще пригодится наш брат-солдат!».

Не медицина, а администрация

Внук крестьянина-солдата, сын майора интендантской службы Николай Пирогов и сам провел добрую половину жизни на войне. Вернее — на четырех: Кавказской, Крымской, франко-прусской и русско-турецкой. Являясь создателем военно-полевой хирургии, он первым в мире разработал систему сортировки раненых по пяти категориям, методику рациональ-



Н.И. ПИРОГОВ. 1861

ного использования госпитальных палаток. До него на перевязочных пунктах царил хаос, который Николай Иванович емко описал в письме: «Горькая нужда, беззаботность, медицинское невежество и нечисть соединились вместе в баснословных размерах». Начав жестко исправлять ситуацию, медик вывел: «На войне главное — не медицина, а администрация». А позже дополнил эту максиму еще одной: «Война — это травматическая эпидемия». Значит, организационно-врачебные меры нужны «противоэпидемические».

Задолго до открытия болезнетворности микробов Пастером русский хирург догадался, что зараза может передаваться через воду и воздух. Он же — еще до создания соответствующего учения — ввел спецрацион лечебного питания, включающий морковь и рыбий жир. Открылась ему и другая истина, ставшая сегодня трюизмом: «Будущее принадлежит медицине предохранительной!».

Свои наработки Пирогов кратко сформулировал в двадцати параграфах брошюры «Основные начала моей полевой хирургии» и развил в книге «Военно-врачебное дело» в 1879 году. Его технологиями русская армия успешно пользовалась во всех войнах XX века. О них с благодарностью отзыва-

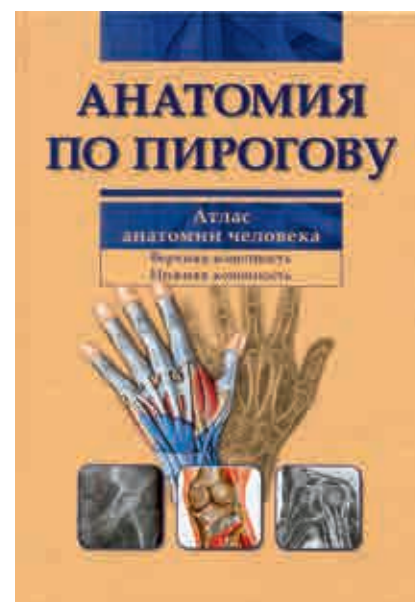
лись во время Великой Отечественной войны великие хирурги Николай Бурденко и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Как и прочие светлые идеи русского медика, эти ноу-хау активно внедрялись и в других, подчас враждебных России армиях и странах. Ну и, как водится, пытались при этом «отжать» приоритет в свою пользу. Характернейший пример тому — гипсование конечностей, которое Пирогов в его современном виде применил первым.

Спасительный гипс

Разумеется, до него предпринимались попытки фиксации поврежденных частей человеческого тела. Среди предшественников: средневековые арабские врачи, голландцы, французы, русские хирурги Карл Гибенталь и Василий Басов. В западных источниках создателем медицинского гипсования считается голландский врач Антониус Матисен. В 1851 году он начал применять повязку из гипса, однако та «не пошла» из-за своих явных недостатков.

Чтобы заменить колодки из липового луба, Пирогов еще на Кавказе в конце 1840-х перепробовал разные материалы: крахмал, коллоидин и даже гуттаперчу. Решить этот вопрос было необходимо, ведь большинство ранений с раздроблением костей заканчивались ампутацией, а простые переломы часто приводили к увечью. Создать современный вариант медицинского гипса помогли, как это часто бывает, случай и наблюдательность. Действие гипсового раствора на полотно он увидел в мастерской петербургского скульптора Николая Степанова. На следующий же день в клинике доктор наложил бинты и полоски холста на голень пациента. Результат оказался блестящим: перелом зажил быстро. И уже в Севастополе, где Николай Иванович оперировал порой по нескольку

ночей без сна, гипсование спасло конечности и жизни сотням соотечественников. «Гипсовая повязка в первый раз введена мною в военно-госпитальную практику в 1852-м, и в военно-полевую в 1854 годах, наконец... взяла свое и сделалась необходимою принадлежностью полевой хирургической практики», — писал он своей второй жене Александре фон Бистром, немецкой баронессе, принявшей православие. Тем не менее в большинстве западных энциклопедий имя русского доктора проговаривается «сквозь зубы», а то и вовсе замалчивается.





Г. Шукаев. «Бой на Малаховом кургане в Севастополе в 1855 году». 1856

Эфир, милосердие и остеопластика

Отчасти схожая история произошла с использованием эфира. Его снотворное действие было известно еще в XVI веке. В начале 1840-х американцы Кроуфорд Лонг и Уильям Томас Мортон применяли диэтиловый эфир для обезболивания, а 16 октября 1846-го стоматолог Джон Уоррен, считающийся на Западе «отцом анестезии», провел знаменитую «первую операцию под наркозом».

Всего через несколько месяцев такие с успехом прошли в Петербурге. А летом 1847 года во время осады укрепленного дагестанского аула Пирогов впервые в мире под наркозом прооперировал множество раненых. В шалаше из веток, стоя на коленях перед каменной «койкой» с больным, под весело чирикающими пулями. Он первым в России начал применять более сильный, чем эфир, хлороформ. Научно проработал технологии обезболивания этими газами, изучил их влияние на организм, возможные опасности. Разработал методы эфиризации через прямую кишку и трахею, сконструировал специальный аппарат, предложил методику глубокого наркоза.

Применяя все это во время Крымской войны, Николай Иванович отметил: «Отныне эфирный прибор будет составлять, точно так же, как

и хирургический нож, необходимую принадлежность каждого врача». Сегодня американцы гордятся приоритетом проведения операции под наркозом. Однако в Крыму 43 американских хирурга обучались «конвейерной» анестезии именно у Пирогова, с полным основанием утверждавшего: «Благодетня анестезирования и этой повязки (гипса. — «Свой») в военно-полевой практике дознаны были нами на деле прежде других наций».

Сегодня американцы гордятся приоритетом проведения операции под наркозом. Однако в Крыму 43 американских хирурга обучались «конвейерной» анестезии именно у Пирогова

Столь же решительно он вступался и за русский приоритет в создании (в октябре 1854-го) фронтальной женской санитарной службы — «Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных». Возражая западным журналистам, провозгласившим «прародительницей» движения сестер милосердия англичанку Флоренс Найтингейл, подчеркивал: «Омисс же Нейтингель» и «о ее высокой души дамах» — мы в первый

раз услышали только в начале 1855 года... Мы, русские, не должны допускать никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном».

Несколько позже ему пришлось защищать приоритеты, связанные с костнопластической операцией, давшей начало остеопластике, а также остеотомом, инструментом для операции на костях, изобретателем коего вдруг объявил себя один немецкий профессор.

В технике Пирогов разбирался не хуже, чем в науке. Иначе его не назначили бы техническим директором столичного Инструментального завода. За 15 лет в этой должности он не только освоил «импортзамещение», но и налазил выпуск новых хирургических инструментов, которые нарасхват раскупали за границей.

Ледяная анатомия

Как сформулировал великий Гёте, гений — это 1 процент таланта и 99 процентов пота. Николай Пирогов своей жизнью полностью подтвердил это определение. В 14 поступил, а в неполные 18 лет окончил Московский университет, в 22 стал доктором наук, а в 26 — профессором медицины. Совсем еще молодым человеком, практикуясь в Дерпте, создал фундаментальный труд «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций», открывший новую эпоху в операциях на артериях и переведенный вскоре на все европейские языки. Позже в одном из писем жене он признался: «Люблю мою науку, как может сын любить нежную мать». Кстати, первая его невеста не стала супругой, поскольку однажды попросила жёниха прекратить свои вдохновенные рассказы «об этих противных трупах».

Между тем именно «трупы» вкупе с качествами несравненного исследователя позволили Пиро-

гову создать его главный научный труд — топографо-анатомический атлас.

Просиживая морозными ночами в прозекторской, он скрупулезно изучал внутреннюю «карту» нашей плоти, малоизвестную тогдашним хирургам. Интересно, что этот монументальный медицинский труд нашел воплощение в искусстве под названием «Лежащее тело». С реально замороженного и препарированного Пироговым трупа молодого мужчины профессор анатомии Академии художеств Илья Буяльский снял гипсовый слепок, а Петр Клодт создал затем уникальную бронзовую скульптуру, копии которой были сделаны для многих академий Европы.

Человеку, Отечеству и Богу

Великий ученый, хирург, государственный — он был человеком большой русской души, сочетающей в себе бескомпромиссность и сердечную доброту, честность сомнений и мужество веры.

«...Мы живем на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем...» — писал жене из осажденного Севастополя.

Пройдя в молодости через увлечение атеизмом, в зрелые годы вернулся к Богу, найдя, по собственному признанию, в 38 лет «высокий идеал веры» в Евангелии. Он зачастую «не мог молчать», как позже определил это моральное состояние Лев Толстой. Так, после Крымской войны Пирогов разоблачал, где только мог, воровство интендантов и прочую нравственную гниль, которой был свидетелем. Его недолюбливали многие. Среди части чиновничества он прослыл «красным», но и для крайних либералов был чужаком. При этом активно выступал против сословных

границ в образовании, ратовал за резкое ограничение телесных наказаний в школах.

Его мысли о воспитании будущих граждан России куда как актуальны сегодня. «Быть человеком — вот к чему должно вести воспитание». «Презрение к родному языку позорит национальное чувство». В ряде своих педагогических статей предупреждал о наступлении развращающего «торгового устремления», которое разрушает соборность общества, приводит к болезненному взаимному непониманию.

Надо отдать должное властям: после тех статей хирургу предложили занять пост попечителя Одесского учебного округа. Там он проработал почти два года, значительно улучшив систему образования, а затем был переведен на ту же должность в Киев. Впрочем, педагогическая карьера закончилась в одночасье в 1861 году, когда Николай Иванович отказался установить полицейский надзор над некоторыми студентами, объявив, что «роль соглядата несвойственна его призванию».

Уйдя в отставку, прожил до конца жизни с женой и двумя сыновьями от первого брака в усадьбе Вишня под Винницей. О праздности не было и речи: светило мировой ме-

дицины оборудовал в хате-мазанке операционную и палату на 30 коек, построил рядом аптеку. Почти ежедневные операции, прием десятков больных, причем чаще бесплатно — такова была счастливая старость этого неумного человека. В Вишню к «чудесному доктору» (определение Александра Куприна) потянулись страждущие со всей России. Он выхаживал, кормил бедных пациентов, устраивал елку для крестьянских детишек.

Скончался Николай Иванович в возрасте 71 года от рака. Ученик Пирогова забальзамировал тело учителя специальным составом, который тот изобрел незадолго до смерти. Невиданное в Российской империи дело: разрешение на бальзамирование дал Святейший синод, «дабы ученики и продолжатели благородных и богоугодных дел Н.И. Пирогова могли лицезреть его светлый облик». Во время погребения тело великого хирурга в парадном мундире с орденом Станислава первой степени и шпагой, подаренной Францем Иосифом, положили в семейном склепе-мавзолее.

В конце 1920-х склеп ограбили «місцеві хлопці». Они повредили крышку саркофага, выкрали шпагу и нательный крест. Во время Великой Отечественной, при отступлении советской армии саркофаг спрятали в земле, после чего тело пришлось бальзамировать заново. Ныне его можно видеть в цокольном этаже православного храма, под стеклом (если, конечно, рискнете сегодня ехать в Винницу).

Его память увековечена в мемориалах, названиях больниц, институтов, улиц, самых разных организаций. В честь него получил наименование астероид № 2506. Что же касается большой звезды по имени Николай Пирогов, то она должна светить в сердце каждого соотечественника. По крайней мере до тех пор, пока он осознает себя русским.



ПАМЯТНИК В МОСКВЕ. СКУЛЬПТОР В. ШЕРВУД. 1897

Родное слово



М. Добужинский. Из серии «Петербург в 1921 году»

Утомленный жизнью

Валерий Бурт

Он был безмерно талантлив. И — в качестве звезды наипервейшей величины — обладал (впрочем, прошедшее время тут едва ли уместно) несравненной силой притяжения. Многие десятки, если не сотни, хрестоматийных высказываний о нем и его творчестве — явный признак высоты и величия. Николай Гумилев полагал: Блок бессознательно доходит до совершенства. Владислав Ходасевич подтверждал: «В русской поэзии есть только Пушкин и Блок, остальное — между». Его боготворили массово, стихи учили наизусть. О себе он сказал однажды, точнее, записал в дневнике: «Внимательное чтение моих книг... убеждает меня в том, что я стоящий сочинитель».

Ясные, серые глаза, густой оклад пепельных, с блеском, кудрей, словно для художественной чеканки профиль — лицо Александра Блока, как заметил Максимилиан Волошин, «выделяется своим ясным и холодным спокойствием, как мраморная греческая маска». «В Блоке, в его лице, было что-то певучее, гармоническое и стройное. В нем воистину пела какая-то волшебная скрипка», — дополняет внешний портрет один из идеологов Серебряного века Георгий Чулков.

Сочинял Блок с пяти лет. Долго таился, показывая свои экзерсисы лишь близким. К выходу первой книги — то были «Стихи о Прекрасной Даме» — рифмованных произведений набралось до восьми сотен, не считая ранних. В дебютный сборник вошло всего около ста. По выражению Блока, «всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды».

Сочинял не торопясь, уверенно. Перо — а орудия труда у него были отменные — четко двигалось по плотной бумаге. Искусствовед Михаил Бабенчиков вспоминал, что «в каждом деле Ал. Ал. любил завершенность мастерства, тонкость художественной отделки, артистичность исполнения». Написанное долго держал при себе, «приручая» слова. Часто возвращался к черновикам, но пускал в ход, только если считал произведение полностью доработанным. По словам поэта Сергея Городецкого, «работать умел и любил, знал высшее счастье свободного и совершенного творчества. «Снежная маска», «Двенадцать» и многие циклы писал он в одну ночь».

Декламировал он также блестяще. Коронный номер — стихотворение «Сумасшедший» Алексея Апухтина. «Вижу его сейчас, как живого, в нашей гостиной, окруженного притихшей толпой влюбленной в него молодежи. Он стоит, взявшись руками за спинку стула. Голова поднята. Ореховые глаза полузакрыты. Красивый рот выговаривает слова как бы с усилием, сквозь зубы, и подбородок выдается при этом немного вперед», — это свидетельство его двоюродной сестры Софьи Тутолминой. А вот впечатление Марины Цве-

таевой: «Деревянный, глуховатый голос. Говорит просто — внутренне — немножко отрывисто».

Жил Блок замкнуто, на публике появлялся редко. По отзывам людей, знавших поэта, ему были свойственны особые деликатность и воспитанность. Говорили, что он не просто вежлив, а «рыцарски вежлив».

Порядок в его доме был идеальный. Окна протерты до блеска, на письменном столе — ни пылинки. Поэт Георгий Иванов отмечал, что «если Блок заперся в кабинете, все в доме ходят на цыпочках, трубка с телефона (помню до сих пор номер блоковского телефона — 612-00!..) снята — все это совсем не значит, что он пишет стихи или статью».

На все письма — даже вздорные или безумные — неизменно отвечал. Все послания фиксировал в специальной книжечке с золотым обрезом, переплетенной в оливковую кожу. «Откуда в тебе это, Саша? — удивился однажды Чулков, который никак не мог привыкнуть к блоковской методичности. — Немецкая кровь, что ли?» В ответ прозвучало: «Не думаю. Скорее — самозащита от хаоса».

«Молчаливый в общем, ни на секунду не уходил в общество в себя и не впадал в задумчивость, — добавляет, как теперь говорят, свои пять копеек поэт и переводчик Вильгельм Зоргенфрей. — Принимая, наряду с другими, участие в беседе, избегал споров; в каждый момент готов был разделить общее веселье».

Остроумцем Блок не был. Но шутки принимал, иногда и сам ронял жесткие эпиграммы. Как-то едко высказался об одном популярном писателе: «А я все-таки продолжаю любить его, несмотря на то, что давно с ним знаком».

Будучи переполнен идеями, творил чрезвычайно щедро. Но порой случались зияющие провалы. Однажды писатель Алексей Ремизов, по свидетельству Бориса Садовского, грустно заметил: Блок все пьет и уже два года ничего не пишет. Сообщил, что пробует его «вытрезвить». Как? Они садятся в пролетку и путешествуют по Петербургу.

Садовский с трудом сдержал улыбку. Накануне Блок сообщил ему, что по ночам обходит все рестораны на



К. Сомов. «Портрет Александра Блока». 1907

Невском и в каждом выпивает в буфете. А наутро просыпается где-нибудь в номерах.

А вот и характерное признание самого ночного скитальца:

*И каждый вечер
друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой
и таинственной,
Как я, смирен и оглушен...*

Отчего он падал? Терзал себя раздумьями, сомнениями — до неистовства, душевных спазмов... Помимо всего прочего тяготила семейная жизнь: «Люба (жена, Любовь Дмитриевна Менделеева. — «Свой») довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей. Люба создала всю эту невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выталкивает от себя и от меня всех лучших людей, в том числе — мою мать, то есть мою совесть. Люба испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь...»

С какой тоскливой обреченностью, с каким иступлением он повторяет: «Люба, Люба, Люба...» Но расстаться с супругой не может. И продолжает любить.

В блоковских дневниках усталость от жизни — явная, слишком бросающаяся в глаза. Он крайне чувствителен к повседневным впечатлениям. На все вопросы, даже незначительные, бытовые, пытался — часто в муках — найти ответ. И этим изнурял себя. На страницы дневника льются то грусть, то разочарование: «Жизнь моя есть ряд спутанных до чрезвычайности личных отношений, жизнь моя есть ряд крушений многих надежд...» Или тяжкое признание: «Я болен в сущности, полная неуравновешенность физическая, нервы совершенно расшатаны».

«Усталость от жизни» — в данном случае не метафора, а диагноз. Имеет медицинское подтверждение. Но суть в ином — ресурс деятельности вычерпан до дна. «Поэт умирает, потому что дышать ему



Одна из последних фотографий А. Блока. С К. Чуковским. Петроград, 25 апреля 1921 года. Фото М. Наппельбаума

уже нечем: жизнь для него потеряла смысл», — сказал Блок незадолго до ухода.

А ведь еще относительно недавно он надеялся и верил:
*О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!*

Написано в 1908-м. Вскоре после слома самодержавия Блок подтвердил: «Все будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться».

Возможно, эти ожидания тоже сыграли роковую роль.

Обе революции 1917 года он принял. Первую — с готовностью, вторую — с восторгом. Глобальный пожар, как заметил художник Юрий Анненков, был для Блока «мировым оркестром народной души». Далее — строка поразительная: «Уличные самосуды представлялись ему более оправданными, чем судебное разбирательство».

Неужели так думал он, тонкий эстет, всегда чувствительный к боли?..

Вскоре, однако, разочаровался в новой власти, успев, впрочем, со-

чинить поэму «Двенадцать». Грандиозная историческая картина с приметамы смутного времени:

*Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни
Кругом — огни, огни, огни...*

Вещь страстная, глубокая и в то же время необычная для пера Блока. Непостижимая. Воспевая революцию, призывая слушать ее «музыку», явных пристрастий к большевикам тем не менее не выказал.

За «Двенадцать» его ругали неистово, порой грязно. Многие знакомые и приятели стали бывшими. Немало почитателей от поэта отвернулись. Да и большевики приняли поэму настороженно.

Ее Блок написал всего лишь за двадцать вьюжных зимних дней. Словно под диктовку свыше. Корней Чуковский удивился, увидев черновик «Двенадцати» — там почти не было зачеркнутых строк: «Я задавал ему столько вопросов о его стихах, что он сказал: «Вы удивительно похожи на следователя в Ч.К.»

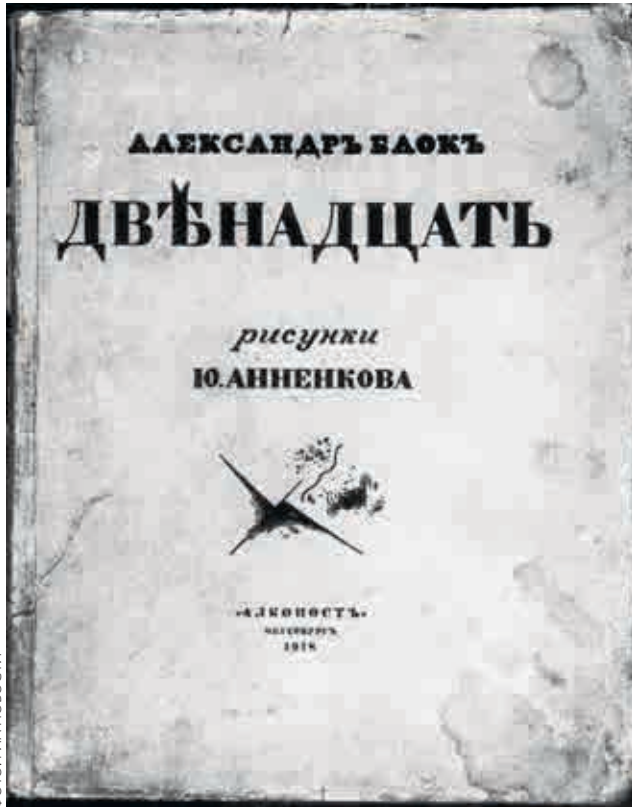


ФОТО: РИА НОВОСТИ



Ю.АННЕНКОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ», 1918

ФОТО: РИА НОВОСТИ

С ними, первыми чекистами, познакомиться он успел. В 1919-м его арестовала Петроградская «чрезвычайка» — подозревала в антисоветском заговоре. Как и — несколько позже — Гумилева. Но Блоку повезло: он отсидел полтора дня, пережив два долгих, бессмысленных допроса, содрогаясь от беспрестанных угроз. Благо обо всем прознал Луначарский и выручил.

Блока прикрепили к множеству организаций, комитетов, комиссий. Даже определили на службу. Времени и сил на главное не оставалось: после «Скифов» и «Двенадцати» он совсем перестал писать. На вопрос: «Почему?» — отвечал, едва разжимая сухие губы: «Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?»

Беспрестанно жаловался: «Я задыхаюсь, задыхаюсь!» Было ясно, от чего: от голода, холода, болезней, страха, видения настоящего и будущего. И дыма сгоревшего родового имени в Шахматово.

...В мае 1921 года Блок, уже объятый болезнью, поехал по делам из Петрограда в Москву. Сопроводять его вызвался Чуковский. Тот потом записал в дневнике, верно, содрогаясь от безмолвного кошмара: «Передо мной сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдаленно не похожий на Блока. Жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый. Даже волосы, даже уши стали другими».

Ему было всего сорок, а жизнь заканчивалась. Остановить роковой исход письмами во власть, успокаива-

ющими пилюлями, диетами, словами было уже невозможно.

Ужас угасания длился довольно долго. Никто ничего не понимал. По Петрограду пошел слух: Блок сошел с ума.

Поэт и впрямь погружался в нечто, похожее на безумство: бил посуду, вазы, ломал стулья. Когда становилось легче, разбирал архивы, рвал блокноты, бумаги. Ночью изводила бессонница. Забывшись, он дрожал от жутких видений. Кричал от боли, бредил, повторял одно и то же: «Все ли экземпляры «Двенадцати» уничтожены? Люба, поищи хорошенько, и сожги, все сожги...»

За него хлопотали, просили выпустить его лечиться за границу. Но в Кремле долго возражали. Чего боялись, непонятно. Наконец, позволили. Однако ехать было уже некому.

По злой прихоти судьбы через несколько дней после кончины Блока случилась другая непоправимость: безвинно погиб в застенках Гумилев. Так в августе 1921 года ушли два величайших поэта Серебряного века.

Весной 1921-го Блок с Гумилевым в сиянии петроградского солнца шли по Невскому. И беседовали о творчестве. Первый говорил: «Очень хочется писать. Это теперь почти никогда не бывает. Может быть, в самом деле, отдохну и сяду...»



М. ЛАРИОНОВ. «ПОРТРЕТ ПОЭТА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА». 1910

Будетлянский моготырь

Дарья Ефремова

«Над хивнями травы... Седыми бивнями волны... Я божество на божествах!» 9 ноября исполняется 130 лет со дня рождения «гениально-сумасшедшего» Велимира Хлебникова, смехача, халдеянина, Председателя земного шара, самого заумного поэта русского авангарда.

ОН ОЖИВИЛ довременное слово, населив его тотемами, наделив ритмами магической архаики. Тщательно перемешал лирику и философию, лингвистику и математику. Слил воедино категории времени и пространства. Участник орнитологических экспедиций, с легкостью различал не только повадки, но и языки птиц: «Овсяночка, спокойная на вершине орешника: «Кри-ти-ти-ти-и — цы-цы-цы-сссы». Дубровник: «Вьер-вьор виру сьек-сьек-сьек». Вьюрок: «Тьорти едигреди. Тьорти едигреди!»

Чудак, мыслитель-утопист, он считал, что обладает даром предвидения. Пожалуй, небезосновательно. За пять лет до Октябрьского переворота в сборнике «Ученик и учитель» верно предсказал его дату — 1917 год. Знал и собственную судьбу: «Люди моей задачи часто



умирают тридцати семи лет», — заметил в разговоре, вернувшись из очередного дальнего путешествия. Умер спустя год от лихорадки в Новгородской губернии, куда приехал погостить, не дотянув до тридцати семи несколько месяцев.

Прозрениям Председателя земного шара доверяли, ясное дело, немногие. Его и «знали едва ли больше ста человек, а хоть как-то понимали не более десяти». Поэт не очень расстраивался. Или делал вид.

«Если люди не захотят научиться моему искусству предвидеть будущее... я буду обучать ему лошадей. Лошади будут мне благодарны... у них появится подсобный заработок: предсказывать людям и помогать правительствам, у которых еще есть уши», — писал он Василию Ермилову. Собственные пророчества эгоцентричный литератор объяснял в свойственной ему манере: «Ясные звезды юга разбудили во мне халдеянина. В день Ивана Купала я нашел свой папоротник — правило падения государств. Я знаю про ум материка, нисколько не похожий на ум островитян. Сын гордой Азии не мирится с полуостровным рассудком европейцев».

После первой же публикации — «Заключение смехом» напечатали в 1910-м в книге «Студия импрессионистов» — на него обрушился шквал критики. Вымученным бредом бездарей назвали и футуристический сборник-манифест «Пощечина общественному вкусу», который помимо призывов (в том числе «бросить с корабля современности Пушкина, Достоевского, Толстого и проч.»), включал стихи Давида Бурлюка, Бенедикта Лившица, Владимира Маяковского и ставшего хрестоматийным хлебниковского «Кузнечика»: «Крылышкуя золотописьмом тончайших жил, кузнечик в кузов



В. Хлебников. 1920

пуза уложил прибрежных много трав и вер».

Казалось бы, он позаботился о том, чтобы созданные им словоформы были узнаваемы, ассоциативны. Например, смехачи, которые смеяются трубочками и также призваны развлекать публику. А «могатырь» и «могач» — почти те же «богатырь» и «богач». И все же современники не могли простить «гражданину всей истории» отсутствия у него «всякого намека на эффект своей эпохи».

Не спасала даже очевидная увлеченность славянской мифологией

и формальная близость к символизму: свободный стих, ритмизованная проза. Хлебников оказался чужд как обществу, «всходившему на башню», так и футуристам, которых он упорно именовал «будетлянами». Слишком масштабными были его замыслы, как напишут критики конца XX века.

«Вячеслав Иванов признавал, что творчество Хлебникова — творчество гения, но пройдет не менее ста лет, пока человечество обратит на него внимание, — вспоминал Николай Асеев. — Когда я спросил, почему он... не содействует его популярности, Иванов с загадочной улыбкой ответил: «Я не могу и не хочу нарушать законов судьбы. Судьба же всех избранников — быть осмеянными толпой».

Впрочем, и сам Хлебников, мечтавший о тиражах и славе, видел своего лирического героя эдаким инопланетянином, пророком, непонятым толпой. Вот диалог прохожих из поэмы «Зангези»: «Так он здесь? Этот лесной дурак? — Да! — Что он делает? — Читает, говорит, дышит, видит, слышит, ходит, по утрам молится. — Кому? — Не поймешь! Цветам? Букашкам? Лесным жабам?.. — Чудак! Послу-



шаем! — Он миловиден. Женствен. Но долго не продержится».

Последнее десятилетие XX века возвело «языковую личность» в культ. Мало кто из литераторов Серебряного века получил такое число исследователей и преданных почитателей, как он.

«В новую современность... Хлебников входит со всей своей беспрецедентной для культуры XX века многосторонностью, — пишет известный филолог Виктор Григорьев. — Проблемы сохранения и «стыдесной земли», «совети» языка поэзии, а также прозы, публицистики и несамодовлеющей критики поставили Будетлянина в непривычное соседство с фигурами Короленко и Чехова... Иного рода «консорциумы» — совершенно необыкновенные в их разбросах или пересечениях «современники» Хлебникова: Пифагор, Платон и Ашока; Савонарола и Беха, но тут же с ними Кропоткин и Флоренский; Ариабхата, Лейбниц, Лобачевский и Эйнштейн; Толстой и Уэллс, Тютчев и Лермонтов; Татлин, Лурье и Пикассо».

Новое звучание обрели и неологизмы, беспрепятственно слагавшиеся Хлебниковым — «вружба», «лгавда», «доумец», — и его увлечение славянской архаикой.

«Облакины плыли и рыдали над высокими далями далей. Облакины сени кидали над печальными далями далей...»

Его принцип не противоречил русскому словообразованию: он брал корни и суффиксы и вполне естественно их соединял. Например, неологизм «облакиня» произошел от основы «облак- с помощью суффикса -ин(я), по аналогии с существительными «богиня», «княгиня». Образ понятен: облачная богиня, царица облаков. В другом стихотворении встречается, к примеру, «времир», полученный от корня -врем- с добавлением концовки -ирь. И вспархивает птица, подобная снегиру.



А. ШАФРАНСКИЙ. «В. ХЛЕБНИКОВ. ПРЕДСЕДЕТЕЛЬ ЗЕМНОГО ШАРА», 2001

Сам поэт объяснял: «Словотворчество — враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем».

Эти эксперименты позволили Юрию Тынянову в предисловии к «Собранию произведений» заявить: «Биография Хлебникова — биография поэта вне книжной и журнальной литературы». Сию мысль писатель пояснил так: «Верлен различал в поэзии «поэзию» и «литературу». Может быть, есть «поэтическая поэзия» и «литературная поэзия». В этом смысле поэзия Хлебникова... может быть более близка... например, теперешней живописи».

«Словотворчество не нарушает законов языка, — на этом настаивал и сам Велимир Хлебников. — Свободные сочетания, игра голоса вне слов, названы заумным языком. Заумный язык — значит, находящийся за пределами разума. Сравни Заречье — за рекой, Задонщина — за Доном. То, что в заговорах и заклинаниях заумный

язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным».

О том, что произведения Хлебникова суть словесное выражение природно-космического бытия, писали и некоторые из его современников. Те, что знали и понимали.

«Если бы доломиты, порфиры и сланцы Кавказского хребта вдруг ожили на моих глазах и, ощерившись флорой и фауной мезозойской эры, подступили ко мне со всех сторон, это произвело бы на меня не большее впечатление, — вспоминал о своем знакомстве с хлебниковскими рукописями Бенедикт Лившиц. — То, что я испытал в первую минуту, совсем не походило на состояние человека, подымающегося на самолете в момент отрыва от земли. Никакого окрыления. Никакой свободы. Напротив, все мое существо было сковано апокалиптическим ужасом. Ибо я увидел воочию оживший язык».

Зерно некой универсальной правды в этом нагромождении метафор и гипербол, наверное, есть.

ДЖОН, КОТОРЫЙ ВЛЮБЛЕН В РОССИЮ

О британце-фермере Джоне Кописки, вот уже два десятилетия демонстрирующем то, как иностранец может вести честный бизнес в России, говорят у нас немало. Всплеск особого интереса возник в апреле этого года, когда колоритный бородач обратился к Владимиру Путину во время «Прямой линии», сказав примерно следующее: господин президент, вам, похоже, не все рассказывают о положении дел в стране. А тот, улыбаясь, заверил: знаю достаточно — и про импортозамещение, и про чиновничью волокиту, и про лукавую статистику... За этот краткий диалог ухватились многие, прежде всего либеральные, журналисты: вот, дескать, приехал к нам европеец пожить да поработать, хотел как лучше, а получилось...



Русское поле

Татьяна Горянина, Владимирская область



В КРАТЦЕ историю Кописки знают многие. В конце сентября рассказывала про него и газета «Культура». Русская жена, очаровавшая британца настолько, что он решил поменять род занятий, страну проживания и даже конфессию, пятеро детей, старшему из которых от роду — двадцать один, а младшей — девять... Семейные фото, на коих фермер красуется в косоворотке...

Его ферма находится во Владимирской области, в деревне Крутово, неподалеку от легендарных ерофеевских Петушков. Как проехать «к Джону», там покажет всякий — доброжелательно, по-соседски. «Богдарня» (от словосочетания «божий дар») — так он назвал в свое время обширные земельные угодья вкупе со всем остальным, входящим в агротуристический комплекс: конным двором, мини-ипподромом, парком, на территории которого есть и отели, и пикниковая зона. Как гласит ин-

тернет-реклама, здесь «постигают философию сельской жизни». Едут сюда в основном москвичи и гости из дальнего зарубежья.

Первое, что бросается в глаза каждому входящему в банкетный зал «Богдарни», — флаг ДНР и внушительный постер «Родина-мать зовет!». Такая «социальная реклама» занимает все свободные простенки помещения. И привлекает внимание не только взрослых, но и детей, для которых тут регулярно проводят экскурсии.

«Империя» Кописки включает в себя также — и это, пожалуй, важнее всего прочего — коровники и мясо-молочное производство. Данная часть владений получила название «Рождество».

На стандартное, всем в мире знакомое «how are you?» ставший у нас знаменитым «варяг»-аграрий отвечает:

— Каких-то неразрешимых проблем я как фермер не испытываю, во всяком случае — пока. По мере

необходимости кредитуюсь, немного развиваю бизнес, взаимодействую и с властями Владимирской области, и с правительством Москвы. Последнее, кстати говоря, безвозмездно предоставило торговую площадь в центре столицы, на Тверской. Это очень серьезная помощь. За счет таких, особых условий наши товары там продаются чуть ли не по себестоимости. И в то же время они гораздо дороже продукции, лежащей на полках обычных супермаркетов. Почему? Я не добавляю пальмовое масло. Сыр у меня — настоящий. Чтобы он обошелся покупателю по триста рублей за килограмм, надо либо субсидировать его производство из бюджета, либо предоставлять нам приемлемые кредиты. Не на 10, а на 25 лет. И не под 20 процентов, а максимум под 3–4. В противном случае не стоит ждать ни роста выпуска, ни низких цен. Мы перерабатываем полторы тонны молока, будучи уверены, что реализуем продукцию. Но способны-то мы при существующих мощностях перерабатывать гораздо больше. Только кому все продадим? Получается замкнутый круг. Многие говорят об импортозамещении, но не объясняют, какими способами этого добиваться. В России, конечно же, могут делать (и кое-где делают) качественные, вкусные продукты: сыр, сметану, колбасу — все, что угодно. Но какая их цена? В Западной Европе уже 50–60 лет весьма ощутимо поддерживают сельхозпроизводителей. А у нас? Вот вступили мы зачем-то в ВТО, и нам предлагают конкурировать с Европой. Но ведь Россия — холодная страна, с рискованным земледелием. Значит, стартовые

условия у нас с ними далеко не равны. Чисто рыночный подход в отношении пищевой и перерабатывающей промышленности, на мой взгляд, недопустим. Такая модель не применяется в европейских странах, на которые у нас якобы хотят ориентироваться. Еда, пропитание — фундамент жизни любого общества, поэтому в вопросах продовольственной безопасности опираться на одни лишь рыночные механизмы просто опасно. Сколько молока надо в масштабах страны? Нам вообще нужны качественные молочные продукты? Если проанализировать сегодняшний потенциал российской промышленности, то станет очевидно: обеспечить население только своим молоком мы пока не в состоянии. Значит, импорт все же будет...

Перспективы своих детей Джон Кописки связывает с Россией. Но что думают на сей счет они сами? Старший, Степан, три года назад, вспомнив вдруг об англосаксонских корнях, заявил, что хочет уехать в Европу. Расставание с семьей получилось драматичным. Отец купил ему билет до Лондона, дал «подъемные» на первое время, в сердцах отобрал российский паспорт и чуть ли не отказался от сына: делай, мол, как знаешь, только потом не жалуйся.

На вопрос, почему Кописки-отец «лишил» сына гражданства РФ, ответ был такой: «Он сказал, что здесь все плохо. Устремился в Европу. И я не стал ему препятствовать. Три года познавал там жизнь...»

Летом 2015-го Степан позвонил и сообщил, что хочет вернуться. Блудного сына, само собой, приняли.

— Поначалу работал в Лондоне, в ресторанном бизнесе, — делится он еще пока слишком отчетливыми воспоминаниями. — Что-то получалось, что-то нет, но себя обеспечивать приспособился. Проблема в другом: я увидел европейцев такими, каковы они есть, — равнодушными, ограниченными. И очень недружелюбными по отношению к России. Они и вправду верят в медведей на наших улицах. Считают себя культурными, цивилизованными, хотя нравы там... Одно только молодежное пьянство чего стоит. Нет, это все не для меня.

— В итоге поступил правильно, — резюмирует отец, — выбрал нашу страну. Но его выбор, по сути, мало чем отличается от того, что сделал я когда-то: перебрался сюда именно потому, что полюбил Россию. И только потом — Нину...

Сейчас, за кофе с сырными кубиками всевозможных сортов, Джон и его жена рассуждают об этом спокойно, как о чем-то весьма давнем. Только они знают, как пережили трехлетнюю разлуку с сыном.

— Попробуйте сыр, — предлагает Джон. — Вкусно? Во Франции о нем сказали бы: сыр от Джона. У меня есть на него сертификат! А ведь французы больше 400 сортов своего твердого сыра делают. Но мой признали...

Тема сбыта в России для него довольно болезненна. Да, он продает продукцию и на собственной ферме, и в

Москве на Тверской, и через интернет. А во Владимирской области — уже нет. При средней зарплате в 26 000 рублей местные жители вряд ли смогут себе позволить «рождественский» сыр — даже по себестоимости. Такая ситуация фермера сильно печалит. И прежде всего то, что наши люди в массе своей покупают ненастоящий и оттого относительно дешевый сырный продукт.



— Может, в Суздале попробуете торговлю наладить? Скажем, для экскурсантов, путешествующих по Золотому кольцу?

— Нерентабельно. Туристов там не так много, как принято считать. Иностранцев, курсирующих по



ФОТО: РИА НОВОСТИ

Кольцу, во Владимирской области каждый год не больше миллиона. И в нынешних условиях это — предел, максимум того, что может сделать бизнес в плане их привлечения. Чтобы было больше, должно активно вмешаться государство. У нас нет необходимой инфраструктуры, должной связи, рекламы... На мне лично, на моем деле это никак не отразится — больше миллиона интуристов к нам приедет или меньше. Мне хватает. В конце концов, это не наша проблема, а их, иностранцев, — в том, что они Россию не увидят.

— Вы здесь уже более двадцати лет. На ваших глазах шло становление нового государства. Каким оно было два десятилетия назад, на взгляд приезжего? И есть ли сейчас надежда на лучшую жизнь в нашей стране?

— У меня, наверное, несколько своеобразный взгляд. Я объехал весь мир. И выбрал Россию. Она живет по-своему, и это нормально. Отношение западных политиков к ней какое-то наивное. Те не могут или не хотят понять, что мы — это мы. С нами надо сотрудничать и принимать нас такими, какие есть. Нельзя грубо вмешиваться в эту жизнь, пытаться менять ее и наш менталитет.

— Правительство Москвы, предоставило торговую площадь на Тверской, причем безвозмездно, — говорит фермер. — За счет таких, особых условий наши товары там продаются чуть ли не по себестоимости

— «Мы» — это русские?

— Конечно. Я же русский человек, — в словах Джона звучит абсолютная уверенность и даже некоторая гордость. — Наша политика — не дипломасу. Мы честно говорим то, что думаем. А эти дураки полагают, что открытая, искренняя позиция — сродни агрессии.

— Ваши дети учатся в России. А как относитесь к утверждению о том, что лучшее образование — в Лондоне?

— Английское образование — не лучшее, — охотно поддерживает беседу Нина Валерьевна. — Просто британцы умеют «строить» избалованных детей, стремятся сделать из них джентльменов. То есть тех, кто переносит трудности, не меняя выражения лица, а также тех, кто способен повелевать. Система образования у них нацелена именно на это, а не на получение знаний. Умных они себе покупают. Если ты посылаешь туда ребенка, то в итоге получишь иностранца. Нам с Джоном такого не нужно. Поэтому наш сын Василий учится в РУДН, в этом же вузе получал образование Степан. Ефросинья, Марфа и Тимофей — пока школьники.

— Какой язык для семьи определили как главный?

— Русский, — отвечает Нина Валерьевна. — Это родной язык наших детей, хотя по-английски они тоже говорят.



— Русский — очень сложный язык, — добавляет Джон. — К сожалению, я был настолько ленив, что хорошо его не выучил. Это беда многих европейцев в России. Есть знакомые журналисты из Англии, которые, прожив здесь годы, по-прежнему плохо говорят по-русски. И порой это приводит к ужасным ошибкам в их статьях. Цепочка такая: незнание языка — непонимание его — непонимание страны. А это уже политика.

— Общаетесь с бывшими соотечественниками?

— В основном по работе. Друзей в Британии у меня нет. Мои друзья и приятели — русские. Раньше, когда мы были моложе, таковых было значительно больше. С годами общение сужается до масштабов семьи. Вернее всего это правило работает, когда много детей. Наши младшие — пока совсем маленькие. А это требует особых забот, особого общения... Раз уж заговорил о друзьях, добавлю: их не может быть больше двух-трех. Русский язык очень удобен тем, что позволяет точно обозначить: знакомый, хороший знакомый, очень хороший знакомый, приятель. А друг — это как брат.

— Католицизм на православие поменяли из-за жены?

— Не совсем так. Прежде всего, я верю в Бога. Отношение у католиков к вере выражается в первую очередь в богобоязненности. В России страх перед Богом — это не много другое. Я принял веру так же, как принял Россию. А страну полюбил, как можно полюбить женщину. Тут не думаешь о том, насколько она хороша, красива. Просто любишь и все. Поэтому меня всегда веселит вопрос журналистов: «Ну, как вы тут, привыкли?» Разве можно к любви привыкнуть или как-то рационально, прагматически ее оценивать?

— Вы, судя по Вашим словам — а равно делам, — патриот России?

— Патриотизм — слово такое... Вот есть американский патрио-

тизм. Это своего рода взгляд на мир, стиль жизни. В чем-то похожий на европейский. Я до сорока лет так или иначе этого придерживался. Был как робот: ел, спал, работал. И вдруг приехал сюда. И понял, что можно иначе жить, любить, радоваться.

— Я видела немало иностранцев, которые подолгу жили в нашей стране, — подхватывает «вторая половина». — Они, по-моему, бывают двух типов. Первые не принимают Россию, а просто работают здесь с мыслью, что в итоге уедут. А есть и такие, кто обратно вернуться уже не может, они «заболели».

— В русском характере — слишком большое уважение к иностранцам, — дополняет Джон

уровню алкоголизации — даже не в первом десятке. Вы не знаете, как пьет английская молодежь!

— Вот вам свежий пример, — снова подключается Джон. — Мы отмечали День Москвы, который, кстати говоря, был организован столичными властями практически безупречно. К нам приехал знакомый молодой человек из Лондона, выпускник Оксфорда. Гуляли вечером по улицам столицы: полно народа, все веселятся. И он меня спрашивает: «Почему нет нетрезвых парней и девушек? Если бы такой праздник был у нас, то на каждом углу валялись бы пьяные». И я знаю, что так оно и есть, причем не только в Лондоне. Видел толпы безобразно пьяных



Кописки. — А ведь они такого не понимают. Мы гостеприимны, готовы отдать гостям последнее. Те же на этом спекулируют, считая подобное отношение следствием наивности, полнейшей нерациональности. Самая плохая пропаганда России — то, как свою страну оценивают некоторые россияне. Вот чего я не смог принять и не приму, так эти постоянные разговоры: мы плохие, не работаем, пьяницы...

— О, наше пьянство — вообще пункт! — замечает Нина Валерьевна. — На самом деле Россия по

на всенародном праздновании в Париже — картина мерзкая... У этого парня из Оксфорда был шок от трезвой Москвы. Он не мог поверить в то, что сотни тысяч человек на совместных торжествах могут без «допинга» гулять и смеяться. Нашим соотечественникам давным-давно пора прекратить ругать себя за все и, наконец, поинтересоваться, а кто такие в действительности европейцы? Так ли они хороши, как русские себе придумали? Спросите у меня, я расскажу.



Закон — «Тайган» и лев — ХОЗЯИН

Алексей Коленский

Четверть века, перебиваясь от лета до лета, дремала Таврида. Ржавели корабли и причалы, ветшали, осыпались дворцы, дичали пляжи. Однако находились и отдельные энтузиасты-чудаки, коим не сиделось сложа руки. В 1995 году предприниматель Олег Зубков основал ялтинский зоопарк «Сказка», а в 2012-м — единственный в Европе парк львов, став живой легендой Крыма.



ФОТО: РИА НОВОСТИ

О. Зубков и его львицы

Львиная доля

Осень, степь. На полпути между Симферополем и Старым Крымом водитель автобуса тормозит под рекламным щитом «Тайган»: тремя километрами южнее трассы — северный форпост царя зверей. Колесо обозрения над сафари-парком видно издали: живой уголок площадью 32 га лучше всего открывается с высоты птичьего полета. Хозяин «Тайгана» приглашает забраться в миниатюрный электромобиль, и спустя минуту мы оказываемся в таврической саванне.

Первая остановка сразу за внутренней решетчатой оградой: прервав моцион, белая львица

спешит обняться с водителем. Потрепав по макушке подругу, Олег Зубков предлагает мне покинуть кабину. Отступить некуда.

Африканская царица крутит мордой и, дружелюбно скалясь, переворачивается на спину — подставляет брюхо для массажа. Есть контакт! Экзамен на мужество сдан... А вот крокодилу когда-то не повезло: на берегу озера замечаю обглоданный остов рептилии. «У нас все, как в дикой природе, — меланхолично комментирует Олег, — глупых едят, с умными не связываются». В паре метров плещется довольный собой аллигатор. Мы же спешим на свидание с интернациональной семейкой. Под кучами деревьев слоняются белые и желтые кошки,

среди них брутальный экзотик — лобастый тигролев из ЮАР. Чуть дальше, на крутом холме, лежбище гривастых громил. Зубков тянет в гущу прайда, на крутой звериной тропинке нос к носу сталкиваемся с Чукой. Олег немедленно берет львицу в оборот и стаскивает к подножию для фотосессии. Обняв кошку за шею, делаю «чииз»: снято! Осклабясь, Чука кладет лапу мне на плечо. Ох, тяжело объятье каменной ее десницы... Но хозяин не мешкает — оттащив кокетку за хвост и немедленно оседлав, умудряется проскакать на ней метров пять и, хохоча, сваливается в кусты.

Лучше однажды потискать, чем сто раз увидеть

На сегодня приключений довольно. Выбравшись за ворота вольера, колесим по тенистым аллеям зоопарка. Для осени здесь довольно многолюдно, но просторно и свежо. Среди пальм и кипарисов благоухают розы, журчат фонтаны. «Видите мусор, грязь, ощущаете неприятный запах? Нет? А ведь, кроме шестидесяти львов и сорока тигров, у нас проживают еще полторы тысячи животных и птиц. Штат — 22 сотрудника, включая меня, жену и детей. В Московском зоопарке работают восемьсот человек. Ума не приложу, чем они занимаются?» — усмехается Зубков.

Площадки с травоядными окружены невысокой оградой, посетители кормят с рук верблюдов, яков, четырехрогих шотландских овец, оленей, ланей, зебу, а мишкам и прочим хищникам спускают гостинцы по приваренным к клеткам металлическим трубам.

— Кормить может любой посетитель. Это для нас принципиально, — комментирует Олег. — Угощение позволяет разнообразить рацион и установить с животным неформальный контакт. Меру зверушки знают: позавтракав бананом, за вторым никто не потя-

НАШ КРЫМ

нется... На «Бабушкином двореке» можно пройти за ограду и потрогать хрюшку или карликовую козу. Даже взрослые не могут удержаться и за компанию с малышами впадают в детство. Ведь лучше хотя бы разок потискать, чем сто раз увидеть. Павлины и царьки гуляют по парку. Создают атмосферу уюта, счастья, праздника.

Животным здесь комфортно, это видно: плещутся под душем бурые медвежата, подходит к сетке только что окотившаяся амурская тигрица Вася, жираф зарывается головой в высокую прическу зазевавшейся дамы. Никто не жметя по стенкам, все улыбаются, тянутся друг к другу. И Олег явно наслаждается атмосферой праздника, который дарит людям. Определенно, «Тайган» представляется воплощенной детской мечтой.

Родом из детства

— Так и есть, — подтверждает Зубков. — Я родился в деревне Вторая Моква под Курском, рос без отца, мама еле перебивалась от полочки до полочки. Всегда чувствовал родство с природой, пропадал в лесу сутками. Искал и находил зверушек, наблюдал за жизнью птиц, задумывался: как все рождается и умирает — животные, растения — для чего все это? Потом мама вышла замуж, мы решили переехать в Набережные Челны, пытались обустроиться в Старом Осколе, Краснодарском крае... Нигде не прижились, вернулись в свою избушку, и я дал себе слово: мои дети так жить не будут. После восьмого класса подал заявку в керченское ПТУ, готовился стать моряком. Много читал, увлекался общественной работой, был выпущен с отличием, поступил в Киевское военно-морское политическое училище. В 90-м приехал контр-адмирал и объявил, что в связи с неблагоприятными временами курсанты могут получить дипломы преподавателей истории и не служить на флоте без всяких последствий... Ушел в туристический бизнес, затем вязал свитера, торговал спортивным инвентарем. В 93-м переехал в Ялту. Квартиры тогда стоили копейки, и я поселился в центре, на Садовой.

На новом месте первым делом снес общественный туалет, которым никто не пользовался, установил вольер и завел павлинов. С них-то все и началось. Спустя два года знакомый сказал, что близ Поляны сказок закрывается живой уголок, и я не устоял — выкупил тибетского яка, козую, трех камерунских коз и белок. Ни коммуникаций, ни прав на землю не было. Так, с четырьмя тысячами долларов в кармане, начал строить свою «Сказку»: выбивал землю, чистил клетки, вел бухгалтерию, наладил переписку с директором Московского зоопарка. Как бы трудно ни приходилось, видел, что делаю нужное людям дело. И многие чиновники это понимали. Но не все



ФОТО: АЛЕКСЕЙ ПАВЛИШКА/ТАСС



ФОТО: РИА НОВОСТИ



ФОТО: РИА НОВОСТИ



ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ГАС

и не всегда. Взятчиком я сумел сказать «нет», несколько лет воевал с рэкетирами. Окончательно ялтинский зоопарк был отстроен к 2001 году. На трех гектарах разместились более ста видов, тысяча животных и птиц. И стало ясно: надо двигаться дальше... Так родился проект «Тайган».

Сепаратист-контрабандист

— Двадцать лет всю прибыль вкладывал в дело, в которое верил. Сегодня все встало. Почти полгода не могу растаможить четыре контейнера с необходимым зоопарку оборудованием из Китая. В мае глава республики звонил начальнику таможни, просил помочь решить вопрос — все тщетно. Некий сотрудник берет лампочку, пишет: «лампочка». Спрашивает: кто производитель?.. А кто мама, папа, бабушка, бабушка производителя? Как будто видит предмет, прилетевший с другой планеты. Зачем это нужно? Возьмите пятнадцать процентов пошлины и пропустите. Нет! За простой двух фур я уже заплатил более 40 000 долларов, а оборудование мне обошлось в 80. Вчера украинцы объявили о конфискации невостребованного товара...

Хотелось построить парк аттракционов близ расположенной неподалеку отсюда Белой скалы, но одна американская горка из Китая — это 58 контейнеров. Раньше приходили четыре проверяющих, сейчас их двадцать. У всех корочки с многоэтажными названиями... Если бы не Путин, здесь бы лилась кровь, я голосовал за присоединение к России обеими руками. А теперь они опускаются. На Украине я внесен в расстрельный список как сепаратист, а здесь — согласно заявлению Россельхознадзора — оказался контрабандистом номер один: якобы ввез животных без документов, в обход границ, минуя карантин. За ложь они извинялись передо мной в этом самом кабинете, а порочили-то на весь Крым. При этом прахом пошли контракты на ввоз животных, в том числе слонов, десятки тысяч долларов... Полтора года не разрешали расширять «Тайган». Сейчас правительство Крыма дает такую возможность. А кто в нем будет жить?



ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ГАС

Колизей

— У нас огромная страна, а все решает один человек — президент. Без персональной поддержки Путина ничего с места не сдвинешь — это я уже понял. Изначально в проекте «Тайгана» предусматривалось строительство уменьшенной копии римского Колизея, соединенного с парком львов подземным ходом. Разумеется, речь шла не о гладиаторских боях, а о красочном шоу, за которым могли бы наблюдать пять тысяч зрителей и постояльцев расположенных на семи ярусах гостиничных апартаментов. Сценатрансформер позволяла бы проводить музыкальные



ФОТО: РИА НОВОСТИ

шоу-программы, морские бои с настоящими кораблями, выступления дельфинов и львов, ведь многие из моих кошек — опытные циркачи...

Планировал открыть детский зоопарк в Евпатории, а в инкерманском карьере — близ пещерного Свято-Климентовского монастыря — севастопольский парк медведей и львов. Проект обсуждали на горсовете, никто не поддержал. Выказался лишь некий монах: чувствам верующих, мол, будет мешать тигриный рык. Мусор, шприцы, которые периодически обнаруживают в ста метрах от обители, религиозные чувства таких священнослужителей отчего-то не задевают.

Особенно обидно за проект белогорского ландшафтного парка «Суворовский». Прежнее крымское правительство поручило мне благоустроить территорию вокруг 800-летнего дуба, под которым в

1777 году Александр Васильевич рассеял превосходящее войско турок. Хотел сделать аллеи полководцев, альпийские горки, озера, разбить сады... Федеральные чиновники облили грязью: все это миф, нечего вам тут строить. И запланировали проложить близ дуба федеральную трассу, а прямо под деревом устроить отстойник для машин. Местная администрация до сих пор отбивается и отбиться не может. В Европе придумывают легенды и под них подгоняют достопримечательности, а у нас все есть, но как бы и не имеется вовсе.

Пока мне удалось лишь выкупить территорию бывшей стройбазы близ Белой скалы: поразительные виды, полноводная река Карасевка, хвойный лес. Вот уже два года я создаю здесь парк праздника и развлечений и обещаю довести начатое до конца.

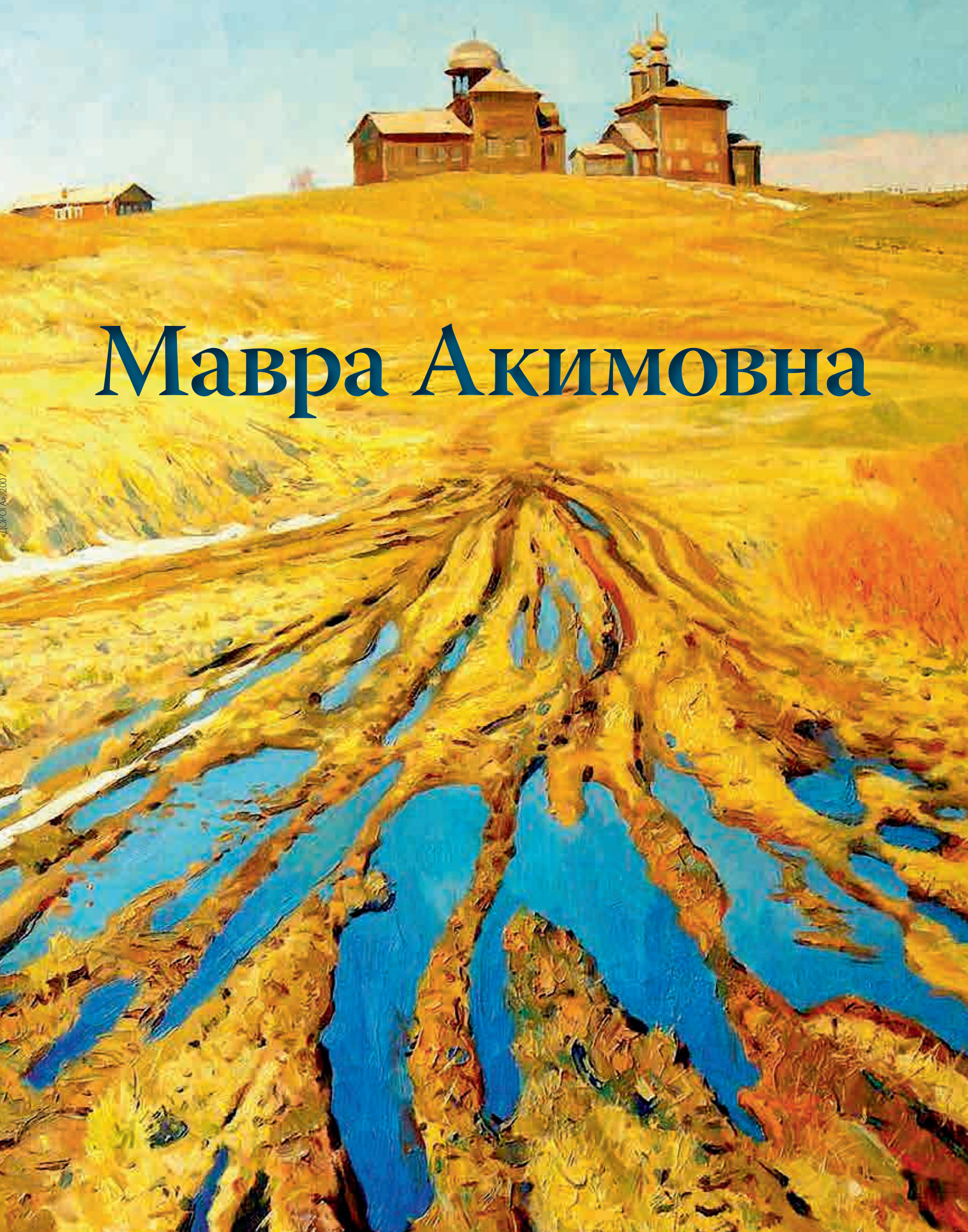
Писать гадости и критиковать меня можно сколько угодно, но

все, что вы видите, создал один человек, не стесняющийся иметь свое суждение. Я ни у кого не взял ни копейки, плачу налоги и, как всякий, умеющий любить, умею ненавидеть. Но главное — работать, зарабатывать, строить. Каждый день.

На закате «Тайган» оглашают львиные рыки. По раскинувшимся над сафари-парком стальным мосткам добираемся, наконец, до колеса обозрения. Вокруг открывается крымская степь, переливаясь в лучах заходящего солнца. И этот радужный вид наполняет сердце покоем и верой в лучшее. Что будет дальше? Поживем — увидим. Планов у Олега громадье, вот только возможностей с каждым днем все меньше... А вдруг завтра на вертолете прилетит президент и все устроится? Посадочная площадка здесь есть.



ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ГЛАС



Мавра Акимовна

Михаил Булгаков,
иллюстрации
Татьяны Юшмановой

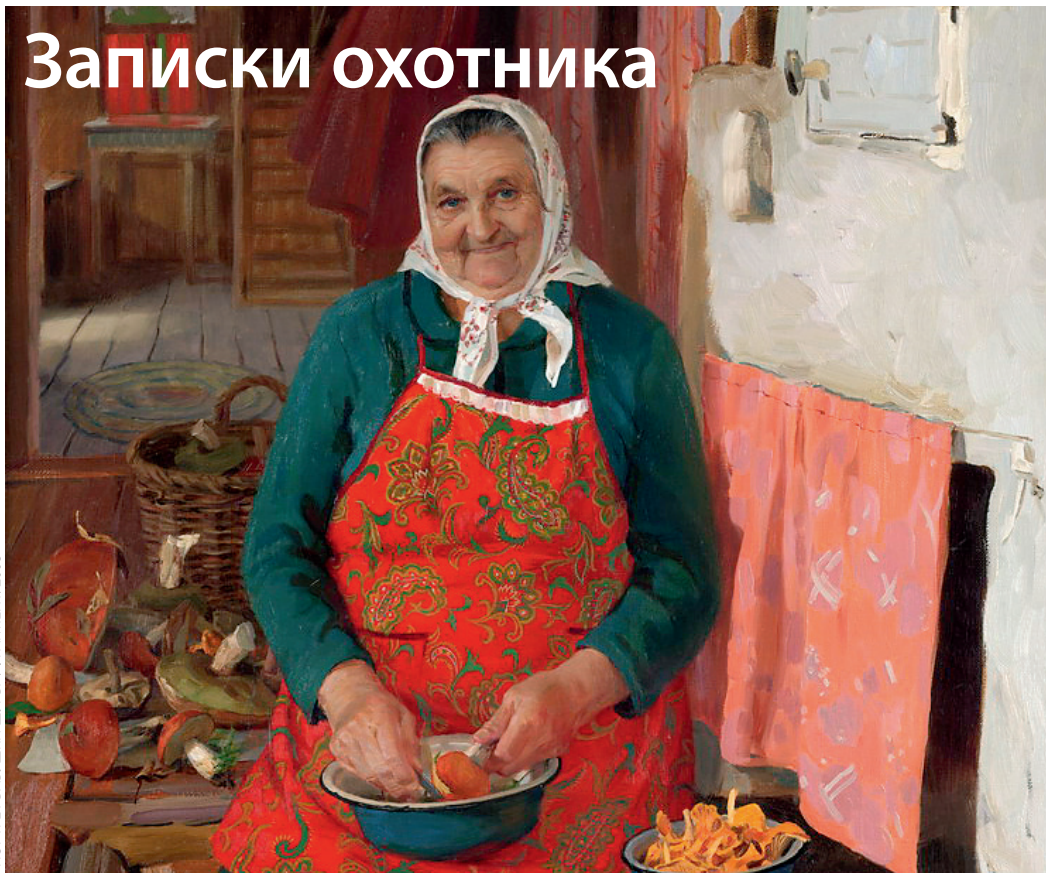
СУТРА до обеда Мавра Акимовна прокапывала в высоких сугробах дорожку к колодцу. С противоположного конца деревни к воде пробивалась Александра Ульяновна, бабка Шура. И когда обе женщины в изнеможении добрались до заветной цели, у них не было сил поздороваться. Это малозначительное, хотя и не лишнее некоторой кинематографичности событие произошло в одну из зим начала девяностых, в небольшой архангельской деревушке. В ней на тот момент остались помирать, но не покинули отчий кров всего две пожилые женщины...

Сентябрьским погожим днем Мавра Акимовна в мельчайших деталях вспоминает свои зимние трудности, рассказывает нам с приятелем о «дороге жизни», и в ее голосе нет ни обиды, ни горечи. «Ну, да ладно, чо это я нюни распустила, — спохватывается она, — айдаге в дом, угощать гостей буду».

Мы встаем со скамейки в палисаднике и идем в избу. Распаковываем походные мешки. Столичные подарки, дорогие и весомые в Москве и в пути, на широком столе северной двухэтажной избы-крепости превратились в жалкие кулечки.

Мавра Акимовна всплескивает руками, упрекает нас за хлопоты и траты, но наши чуткие уши улавливают в ее складной скороговорке нотки благодарности. Много ли нужно одинокой женщине? Улыбается, прячет старыми пятнистыми ладошками веселые морщинки на лице. Нет, все же не простая она бабуля. Таких поискать. Не согнула ее жизнь, спина прямая, как у воспитанницы Смольного. А еще — глаза. Без городской мути и безысходности. Чистые, многое и многих простившие. Наверное,

Записки охотника



«ПОРТРЕТ БАБУШКИ ШУРЫ» ФРАГМЕНТ. 2005

всех, потому что, кроме светлой печали, ничего в них не осталось.

Взрослые дочери живут в Архангельске и Новгороде, замужем. Зовут в город, но как бросишь дом? Летом они, а также зятя и внуки на неделю-другую приезжают погостить, все здоровые и сытые, помогают пилить-колоть дрова, косить сено для овец, а Мавра Акимовна все равно сетует: «Не люблю молодым здесь, не нравится деревенская жизнь да еда — сладкого в ней мало! От лесной ягоды нос воротят, яблоков им подавай и заморских фруктов. Где их взять? Не растут оне здесь, калина с рябиной не каждый дак год родятся. Вот так. Чо ж, повела внуков в лес по грибы. Здоровые лбы, а от меня ни на шаг, кацдыплята от наседки, боятся леса. А ходила я с ними по самой опушке — деревню видать. Мы, бывало, с девушками да парнями в такие-то чащобы забирались».

В честь нашего приезда на улицу с красивым видом на реку вы-

Таких поискать. Не согнула ее жизнь, спина прямая, как у воспитанницы Смольного. А еще — глаза. Без городской мути и безысходности. Чистые, многое и многих простившие

тащили надраенный до блеска самовар, какая же встреча без чаепития — долгого, обстоятельного, с баранками и брусничным вареньем. Под вечер, когда заречные дали потемнели и оплыли, вернулись в избу, в тепло.

Наша охотничья любовь к лесному бродяжничеству Мавре Акимовне по душе, и она, соскучившись по людям, все рассказывает и рассказывает где нынче богатая ягода, где пошли грибы, встреча-



«ЛЕСНОЕ ОЗЕРО», 2005

ется ли в лесу дичь. Вспоминает, конечно, и покойного мужа.

— Вот уж был охотник! Сначала я его, Павла-то Андреича, ревновала к охоте. Молодая жена дома сидит, а он с колхозной работы придет, бродни нацепит, Тревогу кликнет и в лес бежать. Тревоге-от, значит, радость, а я, как царевна Несмеяна, в окошко гляди. Разных он собачек держал, а всего больше любил Тревогу, гончей породы. Сам за стол не сядет, пока собачку не накормит. А только загрызли ее волки. Собрал тогда Павел Андреич мужиков, какие были в деревне, и облаву устроил. Два дня охотники маялись, а убили волка дак, убили, окаянного, по улице страмиду волокут, все дворовые кобели воют, рвутся, как полоумные, — чуют врага смертного. Горевал мой Павел Андреич — не выразить. Так-то еще горевал, когда за рекой боры свели, а в тех борах мошники водились-токовали. И чо? Пришлось ему с дру-

гом, Васильем Шубаковым, тоже покойным, за тридевять земель за мошниками таскаться, ох, тяжко давались им те мошники! А сколько-то лет прошло, и на вырубках, где теперь вы лазите, тетери поселились — целыми ворохами по весне Павел Андреич носил. На двор утром выйдешь дак, а за рекой звон стоит, тетери булькат без перемолку. Или вот Василий Шубаков, даром что росту метр с кепкой, не баской, а уж отчаянный был — сорвиголова. Придет когда вечером к моему, шушукатся оне в углу, а я все одно слышу: медведя удумали стрелить на овсу. Я своему: «Паша, говорю, Павел Андреич, выбрось из головы, на кой он сдался, медведь-от, поросенка заколем». И-и!.. Слышать не хотят, мой-от и Василий Шубаков. Вот собрались, пухь наготовили — и на пустоши каляевские черти их понесли, уже и лабазы успели там в секрете понаделать, не знаю когда. Я дочерей — маленькие еще

были — в охапку, сижу у окна, боюсь.

Солнце село, темно, ночь на дворе. Дочки спят, сама спать хочу, а боюсь. Слышу, с пустошей вроде что-то щелкнуло, ну, думаю, слава тебе Богу, стрелили зверя. Не удержалась, на улицу выскочила, а чего там на улице-то — темь одна. Тут еще стрелили на пустошах, ой, матушка, в кого же, думаю, опять? Чует мое сердце, что не ладно. На пустоши бежать — далеко дак, а дома дочки спят — не бросишь. Я к соседу, разбудила, рассказала про медведя, про страхи свои. Смеется сосед: Василий, мол, Шубаков, первый в округе по медведям, а с твоим Пашей они зверя голыми руками задушат. Я соседу про другой выстрел толкую, тревожно мне, а он зеват: «Ложилась бы ты спать, Мавруша, утро вечера мудренее».

Мавра Акимовна замолчала. В тишине громче затикали старые настенные ходики. «Ребята, вы часом не спите ли? Простите старуху за болтовню», — оправдывается она. Но мы не спим, любопытствуем, чем же закончилась медвежья охота. «А чем закончилась. Считай, всю ночь тревожилась, а под утро Павел Андреич обьявился. Такой-то радостный был, когда вернулся. Чо ж, спрашиваю, так долго, — волновалась я. «Шкуру обснял да медведя разделывал, — говорит, — затопляй, Мавра, печь, яства из медвежьей печенки кушать будем».

Старушка опять умолкла, вздохнула. Нам интересно узнать подробности. Наверное, в то далекое утро и она дотошно расспрашивала мужа. Но сейчас думала совсем не о медведе, а вспомнила горящие, смеющиеся глаза молодого Павла, въявь увидела посапывающих во сне маленьких дочек, вздрогнула, поежилась от пережитого когда-то страха.

— Почему же он стрелял в медведя два раза, первый раз промахнулся, что ли? — спрашиваем мы.

— Кто промахнулся? Павел Андреич-то? Нет, попал он, нельзя в медведя промахиваться. Второй раз Василий Шубаков стрелил, по другому медведю. Два медведя вышли на овсяное поле в ту ночь, оне обоих и прибрали, одного, значит, мой Павел Андреич, а другого — Василий Шубаков.

Ничего не осталось в ее архангельской жизни — одни воспоминания. Конечно, можно было и не слушать, а сослаться на дорожную усталость, отвернуться к стене и захрапеть. Да ведь время так обделило-обобрало стариков, что, если у них еще и последнее отнять — право на память, — все рухнет. Память — наши подпорки, ветхие, подгнившие, но других нет. И надо бы их беречь, иначе всем нам, России нашей, настанет самый обыкновенный каюк.

Теперь Мавра Акимовна живет в деревне одна-одинешенька. Летом сдалась несгибаемая бабка Шура, уехала в район к младшей сестре. Эх, проводы, проводы. Долго ожидали на разъезде поезда, поплакали вволю, обнялись на прощание. Подруга все просила приглядывать за домом. А чего глядеть, если ни одной живой души окрест не сыщешь, заезжие туристы — и те топаят где-то в стороне от деревни. Знакомый машинист по уговору раз в месяц доставляет на разъезд небогатую провизию: муку, макароны, крупу, соль да чай, еще пенсию, письмо вручит. Выгрузит прямо на насыпь кули, а уж потом Мавра Акимовна потихоньку тащит их к дому. Шесть верст! Раньше, на пару с Ульяновной, было веселее, теперь вот одна осталась. Или все же к дочкам перебраться? Зовут...

Наш приезд так обрадовал Мавру Акимовну, что стало даже неловко из-за ее постоянной заботы. Охотники — народ неизбалованный, а тут домотканые полосатые дорожки, занавесочки на окнах, накрахмаленные кружевные сал-



«ДЕРЕВНЯ КОУДА», 2006

фетки повсюду, всегда горячий обед в русской печке и необъятные мягкие перины, вставать с них утром — настоящее испытание. Может быть, из-за перин-то наши охотничьи успехи были весьма скромными. Остудили наш пыл и нудные осенние дожди. Хозяйка сочувственно относилась к нашим неудачам. Правду сказать, ей нравилось, что мы сидим дома, а не ходим в лес, втроем пережидать ненастье веселее. Сама она на охоте никогда не была, но с видимым удовольствием слушает истории и любит рассказывать о муже-охотнике, даже окает будто бы мягче против обычного.

— Уж он свое ружье холил, словно дите родимое. Чуть живой приползет домой, птицу какую на штыри в сених развешат, бродни скинет, дочек обласкат и за ружье. «Мавра, тряпицу давай! Мавра, кудыть шонпол задевала!» Ужин дак на столе стынет, а он с оружием нянькаться. Я ему: «Па-

вел Андреич, вперед покушай», а он знай себе в стволы поглядывает, да тряпку масляну туда-сюда гоняет. Другой раз так-то, сидя на скамье, и задремет с ружьем в обнимку. Вы хоть и заркие тоже охотники, но Павел Андреич против вас горячее был, — говорит она и тут же добавляет: — А может, мне, старрой, чудится: все раньше слаще да горячей было. Теперь вот к сахару пристрастилась, двух кусков на чашку мало. Или сахар стал не сладкий?

Зная о нашем интересе к старой охотничьей амуниции, Мавра Акимовна сокрушалась, что после смерти мужа не уберегла от просителей его добро. Но ее память сохранила и легко оживляла эти вещи.

— Што он лыж понаделал — страсть! Жил в Березовом умелец лучше его — Никандров, но характером темен был, не жаловали его мужики, все больше к моему: Андреич, мол, так и так, смастери



лыжи. А у него под стрехой всегда еловые особенные дощечки приготовлены были. Чо-то он парил, гнул дак, шкурами обтягивал, под нос колдовал, а чо — не знаю, не велел мне за работой мешать. Поди, полдеревни на его лыжах чмыкали... А теперь ничего охотничьего не осталось, — сокрушалась Мавра Акимовна. — Вот, фотографию старую нашла. Охотничью. Возьмите на память о Павле Андреиче.

Фотография от времени пожелтела, обломанные уголки скруглились. На ней — молодой красивый парень в подпоясанной патронташем короткой телогреечке и шапке набекрень. Кругом — белый-белый снег. В руках у охотника пара глухарей-великанов с расщеперенными хвостами, рядом воткнуты в снег широченные камусные лыжи. Но не из-за этого фотография — охотничья. Главное — улыбка на лице парня, даже не улыбка, а радость счастливого человека. Ее не

стерли годы. Охотничье счастье всегда одинаково и понятно.

Между тем многодневный дождь ночью прекратился, и, когда я утром открыл глаза, в окно робко, по-северному заглядывало солнце. Елки-палки — десять часов! Стыдоба-стыдобушка, охоту проспали, лежебоки, дундуки модковские! Эх, перины пуховые...

Еще потемну Мавра Акимовна убежала на моховое болото и к нашей побудке нащипала ведро отборной, с вишню, клюквы и пристроила ягоду на видное место у окошка — радуйтесь, столичные гости архангельскому натюрморту.

Вышел на крыльцо. Сильный ветер смахнул с листьев и травы влагу, поникшие от дождей ветви распрямились. Мавра Акимовна стоит у края двора и смотрит за забор. Зовет меня: «Возьми кружку. Иди, гляди!»

Ее дом — крайний на улице, десять-пятнадцать шагов от крыльца — и под бугром быстрая речка.

Большой, в рост человека, кустище черной смородины, прилепившийся к внешней стороне изгороди, нависший прямо над речкой, роня сорванные порывами нетронутые гроздья, открыл ягодную тайну: в холодное северное лето смородина иногда вызревает в сентябре.

Мавра Акимовна, улыбаясь, стоит у куста и приговаривает: «Кушай, сокол, вдоволь кушай». Зрелые ягоды от грубого и жадного вторжения в самое нутро куста скатываются в реку и мгновенно подхватываются быстрым течением...

Зная, что наш отпуск подходит к концу, старушка находила любой повод нас порадовать. Чем мы могли ей ответить? Только тем, что по возможности не говорили в ее присутствии о скором отъезде, но настал день, когда надо было собираться домой.

Мавра Акимовна сварила в дороге картошки в мундирах, напарила сладкую репку, испекла из ржаной муки большой круглый хлеб. Щедро выставила на стол банки с солеными грибами и засахаренной калиной.

Стараясь не встречаться взглядами, мы с товарищем бесстыжими руками рассовали снедь по многочисленным отсекам своих бездонных рюкзаков. Отказаться от гостинцев нельзя: хозяйка подумает, что чем-то не угодила.

Вынесли вещи во двор. На Мавре Акимовне, несмотря на теплынь, валенки с калошами, — уже с неделю беспричинно зябнут ноги. «Женихов-стариков в деревне дак не осталось, перед кем хвастать-от? — шутит она. — А хоть и заваялся бы, выбора ему все равно никакого нету».

Господи, почему так неуютно, беспокойно в душе, когда мы с приятелем уже у околицы, не стовариваясь, оглядываемся и видим на пустынной деревенской улице маленькую одинокую фигуру рядом с большим и еще крепким домом в два этажа?..



Рябчиков жуй

Максим Сырников

По изысканным гастрономическим особенностям рябчика в нашей национальной кухне, пожалуй, уместно сравнить с грибом рыжиком. И тот, и другой обладают неповторимым ароматом еловой или сосновой смолы. Ведь у боровой птицы в рационе непременно присутствуют душистые почки хвойных деревьев. Именно из рябчиков повар московского ресторана «Эрмитаж» Люсьен Оливье когда-то готовил всем известный ныне салат. За полтора столетия это блюдо изменилось до неузнаваемости, на смену рябчикам пришла вареная колбаса. Но знаменитым оно стало именно из-за специфического сочетания ароматного мяса с хвойными нотками, раковых шеек и огурцов.

РЯБЧИК, который к ноябрю набирает свой максимальный вес, — несомненно, самая любимая боровая добыча русского охотника. Рябчиковый промысел чрезвычайно популярен в России с незапамятных времен, и то, что Владимир Маяковский в кульминационный период революционной борьбы указал именно на этого пернатого «персонажа», разумеется, не случайно.

Как несомненно и то, что кушанье из рябчика — самый желанный гость на русском столе.

Рябчики в сметане

Рябчиков (2–3 шт.) обшипать, выпотрошить, обмазать топленым маслом и обжарить в духовке до полуготовности.

Внутренности освободить от нечистот, промыть в холодной воде, мелко изрубить, поджарить с луком и щепоткой муки на топленом масле, заправить внутрь тушек.

Все выложить в сотейник или латку, добавить два стакана бульона и стакан сметаны, черный перец, несколько ягод можжевельника и лавровый лист. Довести до готовности на небольшом огне.



ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS



Своя

НОЯБРЬ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки